

Колдовские Миры

САМАЯ ДЛИННАЯ НОЧЬ В ГОДУ

ТЕРЕЗА ТУР

Annotation

Они никогда не должны были встретиться. Великий князь, родственник самого императора — и бедная талантливая целительница, сирота. Но князя вынесет порталом прямо ей под ноги, истекающего кровью, умирающего. Он назовется чужим именем, она поверит в его искренность. А когда узнает правду, то просто исчезнет из его жизни, не желая быть очередной игрушкой. Но добрые духи, хранящие их мир, дадут Андрею и Ирине единственный шанс спасти свою любовь — самую длинную ночь в году.

© Тур Т., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Газета «Вестник Поморья» от 20 декабря 1900 года

*Обращение государя-императора Александра Александровича Радомирова к
гражданам Поморья*

«Дорогие мои сограждане! В этот светлый день, когда мы отмечаем очередную годовщину образования нашего славного государства, хочется вспомнить всех, кто стоял у истоков.

Вспомнить первого императора Радомирова, который смог объединить наши земли, раздираемые усобицей. Того, под чьей дланью возникла наша страна. На зависть врагам и на радость нам, благодарным потомкам, простирается она широко и вольно — от Северного моря до Южного, от Западного до Восточного.

Вспомнить солдат и офицеров, которые отстаивали и отстаивают нашу независимость. Целительниц, спасающих жизни. Ученых, благодаря которым мы могущественны и непобедимы. Купцов и владельцев заводов, что преумножают наши богатства. Крестьян и рабочих, что своим тяжелым трудом дают нам возможность развиваться и идти дальше!

Славься, страна, славься, Поморье!»

*Стоит у моря замок
Назло семи ветрам.
Прекраснейшая Ари
Спит сном глубоким там.
Будто розы цветут
во дворце ледяном —
пробуждения ждут снегири.
Чтобы встретить тебя
красногрудой зарей.
Спи, Ари, спи.*

Южный имперский городок Джанхот. Двадцать первое декабря. Ночь с пятницы на субботу. Она

Ветер...

Наверное, на всей Земле остался только ветер. Он прилетел внезапным шквалом в наш тихий городок. Властный, сильный, беспощадный и ледяной, он покорила морские волны, заставив их с грохотом обрушиться на берег. Волна свалила старое дерево, растущее на самом краю обрыва, и стон заповедных сосен раздался в горах. А ветер понесся дальше, не обращая внимания на всхлипы и стоны деревьев, не встречая преград на своем пути.

Я никак не могла заснуть. Странно... Ведь когда-то не знала, что такое бессонница. Если была хоть какая-то возможность уронить тело — сознание отключалось мгновенно. До того, как голова коснется подушки. Это было... В другой жизни. С другим человеком. Было — и прошло. А теперь у меня бессонница. Приехали...

Вздыхнула, поднялась, хлопнула в ладоши, зажигая светильники в спальне, — решила, что буду читать. Наверное, зря я никуда не уехала на эти длинные выходные. Учительницы собрались в небольшое поместье в горах, расположенное всего в нескольких часах пути от нашего приморского городка. Поместье принадлежало родителям одной из них и носило замечательное название: «Анастасиевская поляна». Я любила там бывать, но сегодня отчего-то заупрямилась — осталась дома.

Наверное, у них сейчас ярко горит свет, веранда разукрашена ярко-алыми фонариками, в бокалах белое терпкое вино. И смех... Разговоры до утра. Я любила слушать разговоры коллег. Даже о проблемах, утратах и потерях можно рассказывать так, что остальные — да и ты сама — станут смеяться. До слез. А потом уже можно будет дышать. Снова.

Жаль, что я им ничего о себе не рассказывала. Мне хотелось, правда. Но я не могла. Когда-нибудь решусь, наверное... Посмеюсь над своей глупостью, наивностью... Над светлой любовью, которая составляла все мое существо, над выгрызающей тоской, поселившейся в сердце...

«Все правильно! Я ведь все сделала правильно... Да?!»

С тех пор, как я сбежала, прошел почти год. Почему же до сих пор так больно? Почему каждую ночь снятся сны — чудесные, яркие, после которых не хочется просыпаться, открывать глаза и возвращаться в реальность — холодную, серую и бессмысленную. Без него...

«Но я ведь все сделала правильно! Он предал. Он... развлекался. Играл. А я полюбила...»

Полностью поменяв все — город, дом, — я отказалась от части себя тоже.

Больно...

До прошлого года я думала, что знаю о боли все. Я — целительница. Меня учили с пяти лет — как только почувствовала свой дар и прошла посвящение. Дар исцелять дается лишь женщинам.

Все десять лет я была лучшей на потоке. Затем лучшей практиканткой в Императорском военном госпитале. В самой столице! По традиции отличниц направляли работать с военными. Спать по шестнадцать часов в неделю много лет подряд было нормой моей жизни. Потом я год проработала полноценной целительницей в том же госпитале... Почти год.

А потом жизнь поменялась... Вернее, я поменяла ее. Сама.

Что со мной?! Слезы? Никогда не была размазней — призвание и характер не позволяли.

Девчонки с курса даже прозвище дали — «ледяная язва». Так они называли меня за глаза. Конечно, многие завидовали. За отличные оценки, за внимание ко мне преподавателей, за то, что выделяли и ставили в пример. Поэтому подруг моего возраста у меня никогда не было. Только учителя и коллеги постарше относились с симпатией — за то, что любила учиться. И лечить... Самозабвенно.

Когда-то.

Ресторан на окраине Джанхота. Эта же ночь. Он

— И скажите, ваше высочество, что мы забыли в этой Небесами забытой дыре? Нет, южное побережье нашей благословенной Империи — это замечательно. Но никак не в декабре!

Черные, чуть раскосые глаза князя Алсапова насмешливо блестели. Они достались вельможе от его предка, который происходил из кочевого южного народа. Во времена первого императора Радомирова этот род бежал из своих краев и осел в Поморье.

— Как вы понимаете, светлейший князь, этот вопрос надо задать моему любезному дядюшке — он нас всех сюда вытащил.

И наследник Поморья кивнул в сторону мужчины лет сорока, который меланхолично перебирал струны гитары, усевшись чуть в стороне от веселой и слишком молодой — с его точки зрения — компании.

В отличие от остальных, пивших шумно и весело местное белое вино — весьма недурственное, надо отметить, этот предпочел коньяк — в большом количестве — и хоть какую-то иллюзию одиночества.

Молодые люди лучших родов Империи — князя Алсапов и Варейский, два графа: Волков и Соколов (а именно они составляли окружение наследника) — старались не подходить к двоюродному брату императора. Особенно когда он был в таком настроении. Хотя в подобной меланхолии, прорывавшейся бешеными вспышками беспричинной ярости, сиятельный князь Андрей Николаевич Радомиров пребывал в течение последнего года. И никто не мог понять, что с ним случилось.

Приставленный к наследнику лично его величеством князь прекрасно знал, зачем они сюда забрались. Он решил устроить «золотой» молодежи учения.

Буря, как и предсказывали маги-погодники, усиливалась. Через пару часов повалит снег, к утру все занесет, и надо будет организовывать и спасательную операцию, и эвакуацию людей из дальних населенных пунктов. Вот пусть наследник и отработывает навык командования в чрезвычайной ситуации на примере данного района нашей необъятной страны. А с учетом того, что это предгорья, — повозиться молодежи придется. Заодно посмотрим, кто из ближайшего круга наследника чего стоит.

Отложив гитару, князь Радомиров допил коньяк и вышел во двор. Ему нестерпимо захотелось на воздух. В ночь. Туда, где под бешеными порывами ветра крупными хлопьями валил снег.

Сзади скрипнула дверь. Кому в тепле не сидится? Жаль. Хотелось побыть одному, рассказать снежным мухам о своей боли — пусть бы унесли с собой хоть немного... Может, легче стало бы.

— Самая длинная ночь в году... — раздался голос наследника.

— Да, ваше высочество, — нехотя откликнулся князь.

— Андрей Николаевич, вы сами на себя не похожи. Я могу чем-то помочь?

Двоюродный брат и доверенное лицо императора вздрогнул. Иной раз наследник вел себя... мальчишка мальчишкой — как, собственно, и полагается в его девятнадцать лет. А иногда... Иногда он поражал каким-то непостижимым умением читать в душах других. Это князь Андрей подумал. А вслух насмешливо сказал:

— Помочь? Мне?

Наследник не обиделся. Действительно, практически вся мощь Империи была сосредоточена в руках двоюродного брата императора — второго человека в государстве по значимости и влиянию. Наследник прекрасно понимал, что сам он был лишь... где-то в первой десятке. Наверное.

Сын императора не испытывал неприязни к родственнику, которому его отец верил иной раз больше, чем самому себе. Более того, он искренне желал у него учиться.

Но в последний год юноша просто не узнавал своего дядю, которого любил и которым гордился. В сердце наследника поселилась тревога...

— Простите, Александр Александрович. Я невыносим в последнее время, — раздался голос князя Андрея.

— В ваших розысках... Результатов нет?

Наследник понял, что сказал, и стал ждать вполне заслуженной отповеди — дядюшка не терпел вмешательства в личную жизнь. И поэтому всем полагалось не знать ни о его романе, ни о том, что девушка сбежала, ни о том, что ее почему-то не могли отыскать.

— Узнать бы, что она жива, — услышал он тихий ответ.

На двоих стоящих в темноте упало молчание — такое же беспросветное, как эта южная ненастная ночь.

— Я не могу ее найти. Представляете? Я! Не могу... найти, — заговорил тот же голос, так не похожий на голос всесильного вельможи.

«Так она хотя бы жива?» — готов был сорваться вопрос, но в последний момент Александр удержался.

— Я всего лишь не сказал, кто я такой. Я больше ни в чем не виноват... Случайная встреча людей, которые никогда не должны были встретиться. Небо, я никогда и ни с кем не был так счастлив!.. А она даже не дала мне возможности объясниться.

— Она узнала?

— О да. Она узнала. Увидела меня на параде в честь празднования вашего Тезоименитства.

— Прошлый январь. Мой день Ангела. Так вот почему вы удалились столь внезапно. Матушка еще очень удивлялась...

— Я все равно опоздал. Дома у нее никого не было. За вещами, документами и драгоценностями никто так и не зашел. Кулон связи, который я ей дарил, обнаружился в ближайшем к Дворцовой набережной мусорном бачке. А потом выяснилось, что она отправила два письма — одно в госпиталь, с заявлением об увольнении... — Андрей Николаевич замолчал, словно ему не хватило воздуха.

— А второе? — устав ждать ответа, спросил наследник.

— Второе... — в голосе мелькнула горькая насмешка. — Второе соответственно мне. Она нашла в справочнике официальный адрес моей резиденции, подписала конверт всеми моими титулами, положила туда подаренные мною накопитель энергии и охранный амулет... — родственник императора произвольно коснулся браслета. На вид ничего особенного — несколько темно-синих камней вплетены в замысловатый узор шнура.

— Вы ей дарили свои фамильные артефакты? — изумился Александр.

— Именно.

— Странная история. Но почему она ушла и не дала вам возможности объясниться?

— Не знаю. Теперь я могу лишь гадать, сходить с ума и молить Небеса, чтобы они хранили ее.

Ярким светом распахнулась дверь, их окликнули.

Князь Андрей дернулся, словно очнулся.

— Ваше высочество, вы позволите мне вас покинуть? — уже своим нормальным, язвительным голосом заговорил он, окинув насмешливым взглядом высypавших на крыльцо придворных.

— Конечно, ваше сиятельство, — наследник прекрасно понимал, что родственнику надо побыть одному.

Тот коротко кивнул и ушел. Всего пара шагов — и князь исчез в непогоде, словно никогда здесь не было ни его, ни этого странного откровенного разговора.

— А принесите-ка мне коньяку, — распорядился несвоевременно протрезвевший наследник, подумав, что после подобных разговоров действительно стоит напиться.

Столица. Чуть больше года назад. Сентябрь — ее любимый месяц. Она

День прошел суматошно. Я уже заметила, что в нашем отделении травматологии практически каждая пятница — это что-то. Как будто люди специально ждали целую рабочую неделю, чтобы учудить что-нибудь к выходным.

Сегодняшняя пятница исключением не стала. Сразу после обеда повалил народ. Ожоги, порезы. Переломанные конечности. Порванные связки. И прочие «удовольствия».

И хотя я была после ночного дежурства, следовательно, могла уйти домой сразу после обеда, все-таки задержалась на посту. Сильно задержалась. Просто, заскочив в приемный покой, обнаружила там покалеченных детей. Будь то взрослые — я бы еще подумала. И, скорее всего, отправилась домой, — но дети...

Я ободряюще улыбнулась совсем потерянной мамочке с младенцем на руках.

— Сколько ему?

— Четыре месяца, — подняла на меня заплаканные глаза молоденькая женщина.

— Хорошо, сейчас найду свободный кабинет и приму вас. Постарайтесь взять себя в руки, а то в больницу придется укладывать вас.

— Я только отвернулась, — всхлипнула женщина. — А Темка упал...

— Тсс...

Я перехватила ее запястье и стала потихоньку сдерживать бешено стучащий пульс. Когда через несколько секунд удары сердца перестали сливаться один с другим, я поднялась, распорядилась дать мамочке успокоительную настойку, сделала несколько шагов, чтобы... И была практически сбита с ног!

По коридору, даже не обратив на меня внимания, носились кадеты Императорского военного училища — высшего учебного заведения, куда набирались дети самых высокопоставленных семей.

— Кадеты! — прозвенел над нашим коридором мой возмущенный голос. — Внимание! Построение!

Да... Отцу бы понравилось. Алексею Михайловичу Иевлеву — боевому генералу, отдавшему жизнь за Империю. И пусть даже он знатностью рода похвастаться не мог, зато тем, что сам себе дорогу пробил, — вполне. А еще он отличался беззаветной храбростью. И тем, что служил Империи Поморья на совесть и смог блестяще организовать оборону Мирграда — самого восточного города нашей страны. В Черную войну.

И я — его дочь — как общаться с солдатами и офицерами, вполне себе представляла. Пять лет в качестве практикантки в госпитале многому могут научить. И не только как лечить пострадавших мужчин. Но и как ими командовать. Так что с этими расшалившимися военными я справилась.

Не торопясь, подошла к вытянувшимся и замершим кадетам первого, судя по лычкам, курса. Дети еще...

— Вы где находитесь?! — «специальным» низким голосом рявкнула я. Хуже нет — кричать на высоком визге — получается жалко. — Почему в головных уборах? Кто старший?

— Простите, госпожа целительница, — форменные фуражки нырнули вниз, вытянутые физиономии стали вполне соответствовать моменту.

— Стыдитесь, господа, — холодно продолжила я. — Подобным поведением вы не

только мешаете оказывать помощь пострадавшим, но и позорите свое учебное заведение и ваши фамилии.

Четверо потупились, пятый же возмущенно на меня уставился.

— Сядьте! И не отвлекайте персонал. Когда придет офицер, сопровождающий вас, попросите его зайти ко мне.

— Слушаемся.

И я открыла, наконец, дверь, за которой шел прием.

— Добрый день, Елена Николаевна! — обратилась я к дежурной целительнице. — Я займу соседний кабинет? Помогу вам принять поступивших. Вы не против?

— Спасибо, Ирина Алексеевна, — устало улыбнулась мне приятельница. — Вы-то сами как?

— Неплохо, — улыбнулась я в ответ.

— Вторая целительница никак не доберется до приемника — я к ней еще одного тяжелого ребенка на операцию отправила, — с извиняющимися интонациями протянула она.

— Пятница, — хором сказали мы, понимающе улыбнулись — и я отправилась к пострадавшему мальчику.

Часа через три я была обнаружена там заведующей отделением травматологии. И тут уже мне пришлось стоять, понурившись, пока княгиня Снегова меня отчитывала. Почти как я мальчиков-кадетов.

— Ирина Алексеевна! Я понимаю ваше рвение и желание помочь пациентам и коллегам. Но! — взгляд строгих серых глаз на меня. — Вы должны отдыхать! Вы не должны быть истощенной. Надо соблюдать меру. Вы же пришли работать не один день. Не один месяц или даже год. Нет. Несколько десятилетий. И каждый день вы должны приходить на работу, излучая силу и уверенность. А с такими нагрузками при отсутствии отдыха... Вас надолго попросту не хватит. Вы перегорите, и уже вас нам придется лечить. Все! Домой. И, кстати говоря, у вас завтра выходной! И послезавтра — тоже! И вы будете спать. Слышите меня? Спать! Спать и восстанавливаться!

И княгиня открыла дверь в кабинет, давая понять, что мамочку с маленьким мальчиком примет лично.

Я уже открыла рот, чтобы...

— Вы собираетесь со мной спорить? — с высочайшей степенью удивления посмотрела на меня заведующая.

— Нет, что вы, — поспешила ответить я.

— Вот и славно! Домой!

И я поспешила наверх, чтобы переодеться и уйти, наконец. Вышла на улицу, блаженно потянулась. Хорошо.

По широкому проспекту, на который выходило парадное крыльцо нашего госпиталя, прогрохотала конка. Их пустили по Поморску не так давно — и вид четверки лошадей, тянущей по рельсам ярко-синий вагончик, еще вызывал удивление.

— Тайна расставания Великого князя Радомирова с прямой императорского театра! — сновали мальчишки-газетчики. — Сударыня, купите газету! Самые свежие новости!

Я отрицательно покачала головой: газет я не читала. Тем более... Ну вот что может быть интересного про то, кто кого бросил. А уж тем более — почему. Это ж не продолжение серии книг про моего любимого некроманта!

— Ирина Алексеевна! — окликнули меня у выхода из госпиталя, вырывая из приятных

мечтаний о том, как дома у любимого камина я расположусь с книжкой, купленной вчера.

— Да, — удивленно обернулась я и увидела молодого офицера в той же форме, что была на непослушных мальчишках.

— Ирина Алексеевна, минуту. Простите. Я обязан принести вам свои извинения за поведение вверенных мне кадетов. Простите, не уследил.

И он внимательно — как-то изучающе — оглядел меня. И что интересного он ожидал увидеть? Что, кроме форменных белоснежных одежд? Особым образом высоко повязанного платка, делавшего нас похожими на монахинь. Осунувшегося лица. Рук, чуть подрагивающих под перчатками от усталости? Что?

Пристально посмотрела на него в ответ.

«Красив», — с некоторым раздражением отметила я. Правильные черты лица. Вьющиеся темно-русые волосы, чайного цвета глаза под густыми, пушистыми ресницами и тонкие, аристократические руки. При этом великолепно сложен — развитая мускулатура придавала мужественности. Высокий.

Подобная внешность сразила бы меня наповал, но было в молодом человеке тем не менее что-то отталкивающее. Наверное, слишком раздевающий взгляд, от которого сразу захотелось куда-нибудь спрятаться...

— Простите, — проговорил мужчина, осознав, видимо, что подобное разглядывание просто неприлично.

— Ничего. Как ваши подопечные?

— Одного, самого тяжелого, уже прооперировали. Он очнулся. Простите, что не проследил за порядком — меня как раз вызвали к заведующей оформлять документы.

— А что у вас случилось?

— Эти... пиротехники слышали от преподавателя по истории про то, как перед самой Черной войной были созданы магические бомбы с зачарованным льдом. И решили тут же создать свою. Влезли в кабинет магической химии. Взломали охрану, между прочим! Вы можете себе представить, какая там охрана? У нас?! Вот как... Как, скажите мне на милость, такой талант с такой дуростью может сочетаться?

Он возмущенно посмотрел на меня. Вдохнул, выпуская облачко пара. Надо же — похолодало...

— Взяли первый попавшийся шар для оболочки, поместили в него разноструктурный лед, — продолжил он. — И где заклинание только раздобыли?! Соответственно оболочка у них в руках и рванула. Потому что стекло не удержит такое мощное заклятие — это же известно любому мало-мальски здравомыслящему человеку! А шаров из переплавленного особым образом черного хрусталя у нас нет. И не может быть! В учебных-то заведениях!

— Я даже представить себе боюсь, насколько сложно сделать подобную сферу, — вспомнила я уроки химии в пансионе и Академии.

— И насколько опасно давать в руки этих... талантов! Поэтому подобные сферы хранятся... Ну, никак не в училищах. Как, впрочем, и зачарованный лед!

Я только покачала головой. Вот детям делать нечего... И как в живых остались?!

— Хорошо еще, — словно услышав мои мысли, проговорил офицер-воспитатель, — что додумались двоих поставить на защиту. И заклинания удались. Осколками четверых посекло несильно. И тот, у кого это все рвануло, в живых остался.

— Родителей известили?

— Четверо — сироты. Извещать некого. А у пятого, который ими и верховодил... У того

отец уже у нашего командира. Конечно, стоило мальчишку отчислить, как зачинщика. Но... Отец — генерал. Так что, думаю, все обойдется деньгами на восстановление кабинета.

Я поморщилась. Ну, конечно, высокопоставленный отец. Кто ж сына наказывать будет по-серьезному? Другое дело — сироты...

— А остальные? — спросила я.

— Тоже оставят. На испытательном сроке. Ну, и преподавателю магической химии отдадут на растерзание. Наш профессор — настоящий фанат своего дела. Практически все студенты, что попадали в его ведомство за ту или иную провинность, впоследствии становились студентами химического маго-факультета! Так что хулиганов станет меньше, а специалистов, искренне и беззаветно преданных науке, — больше. Проверено годами.

— Это правильно, — одобрительно кивнула я.

— Так что все с ними в порядке будет.

— Хвала Небесам.

— Хвала, — откликнулся мой собеседник и предложил: — Давайте я вызову экипаж, и вас отвезут домой. К сожалению, я на службе и не могу проводить сам.

— Хорошо, — не стала спорить я. — Действительно, устала.

Мы стояли и молчали. Я жадно вдыхала горьковатый осенний воздух, такой вкусный после запаха госпиталя, пропитанного антисептиком. Офицер молча смотрел на меня. Я поймала его взгляд — и смутилась.

— Простите... — решил мужчина. — Могу я пригласить вас на ужин? Конечно, когда вы будете не заняты. И не так измучены.

— Спасибо. Но не стоит.

— Это связано с тем, что у вас кто-то есть? Или просто день тяжелый?

— Характер тяжелый, — улыбнулась я. — И день тоже...

Он улыбнулся в ответ, словно выяснил что-то для себя приятное.

Вскоре прибыл экипаж, но не наемный — как я подумала — а личный, с гербом.

— Отдыхайте, уважаемая госпожа целительница, — подал мне руку офицер. — Было очень приятно познакомиться.

— И мне, — ответила я и сообщила вознице адрес.

Когда экипаж тронулся, я сразу закрыла глаза и, уже засыпая, поняла, что так и не спросила, как зовут молодого офицера.

— Госпожа целительница! Госпожа целительница! Прибыли!

Я вздрогнула — и проснулась. Растерла лицо руками, посмотрела на озадаченного возницу, чуть улыбнулась ему.

— Да... Я поняла.

Мне помогли выйти, и я побрела до дома, в котором вот уже целых шесть лет снимала флигелек с отдельным входом. С самого выпуска из Академии.

Жить отдельно! Это такое удовольствие! Особенно после пятнадцати лет обучения: десяти в пансионе и пяти в Академии, где в одной комнате живут шесть или восемь девочек. Одиночество — благо. Великое благо и невероятная роскошь. Можно просто посидеть у камина — и, глядя на язычки пламени, задремать... Улечься на мохнатый ковер и читать, не ожидая окрика воспитательницы, что лежать читать нельзя, потому как вредно.

Гостиная с камином и кухня со столовой внизу. Спальня и кабинет — наверху... А в мечтах — накопить денег и купить эту квартиру. Или какую-нибудь другую, похожую. Но обязательно — с отдельным входом. Как здесь.

Открыла дверь. Скинула платок, вытащила шпильки из волос, потрясла головой — хорошо-то как! Стянула белый форменный передник, разулась — и отправилась спать.

Проснулась ближе к полуночи. Поняла, что выспалась и хочу есть. Решила прогуляться. Неподалеку был круглосуточный ресторанчик — я его полюбила с тех пор, как заселилась сюда. Когда же я научусь связываться мысленно? Или хотя бы приобрету кулон связи? Первое у меня упорно не получалось — не было ни силы, ни умения. А кулон... Кулон и стоил безумно дорого, и связываться мне было особо не с кем. Разве что на дом еду заказывать... Но кулона нет, поэтому я пойду пешком, никуда не торопясь и получая удовольствие от прогулки. Сказано — сделано!

Оделась, весело сбежала по ступенькам на первый этаж.

Все-таки сентябрь — мой любимый месяц. Со времен детства, которое я провела на юге Империи. Лето — это что-то невыносимо жаркое. Ночи порой такие, что мы по очереди просыпались и обматывались влажными полотенцами. Особенно в конце августа... А потом — как по волшебству — налетал ветерок. Сначала едва ощутимый, он с каждым часом становился сильнее. В воздухе разливался горьковатый аромат, и вместе с ним приходила долгожданная прохлада.

Возвращаясь с пакетами, наполненными любимыми лакомствами, я вспомнила про офицера, что приглашал меня на ужин. Хорош собой, молод. Судя по экипажу — даже титулован. И чего мне, любимой, спрашивается, надо? Даже имени его не узнала.

Тяжело вздохнула и посмотрела на золото фонарей в темном небе. Светящиеся шары, свободно летающие над головами прохожих, реагировали на звук и тепло. Если кто-то заходил в менее освещенное место — несколько золотых провожатых устремлялись за ним. Затем шарик-фонарик возвращался к остальным, на Снежный бульвар. Это очень красиво, особенно осенью, когда яркие сферы то тут, то там подсвечивают деревья, играя с листопадом в догонялки. Зимой освещение делается голубым — в тон поблескивающим снежинкам.

Три шарика летели рядом, подслушивая мои размышления и посматривая с укоризной. Да... Талантом и работоспособностью Небеса меня облагодетельствовали. А вот покладистостью характера, умением сойтись с людьми... Вот чего нет — того нет. Одиночество да интересная книжка — вот мое счастье...

Домой заходить не хотелось, поэтому я пристроилась на скамейке возле дома. Шарик стали чуть ярче, намекая, что разговор не окончен... Раскрыла сумку. Где мои дезинфицирующие салфетки? Записная книжка, документы, кошелек, пара заряженных амулетов, позволяющих быстро остановить любое кровотечение, — ни разу не приходилось пользоваться, но с первой стипендии купила один на всякий случай. Слабенький, правда. А уже с первой зарплаты врача — другой, самый мощный, что был в лавке.

И тут раздался резкий хлопок — кто-то открыл точку переноса. Я не успела ни удивиться, ни испугаться — прямо передо мной вывалилось окровавленное мужское тело. Шарик взмыли вверх и тут же опустились, став в несколько раз ярче, хотя в ладоши я хлопнуть не успела.

Рефлексы! Вот что самое главное в целителе. Я не поняла толком, что происходит, а уже, отбросив пакеты с едой, опустилась на колени перед раненым. Медленное-медленное движение моих рук от его макушки к пяткам. Мужчина, лет под сорок. Тяжелый. Состояние критическое. Рванула черный сюртук, чтобы подобраться к телу. В руках оказались амулеты: один, помощнее — к пробитой печени. Другой — к левому легкому, туда, похоже, били

магией.

Так... Передать немного энергии — совсем чуть-чуть, не хватало, чтобы он от шока вскочил и побежал — видела такое. Или, перепутав меня с нападающим, не шандарахнул по мне чем-нибудь убийственным. Тоже бывает. Теперь самое сложное... Легонько коснуться разума:

— Надо встать, миленький. Надо встать. Я тебя по ступенькам не подниму.

— Целительница... — прошептал он.

— Да, я здесь. Все будет хорошо. Вставай, миленький, вставай, родной, — по чуть-чуть выдавая ему энергии, просила я. — Ты сильный, ты сможешь...

Так поднимали воинов, чтобы вытащить их с поля боя, многие поколения целительниц. Главное, чтобы поднялся. Главное, чтобы распахнул глаза, сделал еще один вздох — и захотел жить так же сильно, как мы не хотели отдавать его смерти...

Мужчина поднялся. Распрямиться во весь рост я ему не позволила, закинув руку себе на плечо, подставившись, как костыль.

Я говорила, говорила и говорила — на подкорке записанные слова заговора, сама между тем судорожно соображая, что делать.

Понятно, что счет идет на минуты — и помощь я вызвать не успею. Вот-вот исчерпает ресурс амулет на легких — а я и не поняла толком, что с ними. И такая большая кровопотеря... Просто огромная...

Об этом я думала, пока втаскивала мужчину в дом, волокла его на кухню. Да здравствует современная мода — у меня посреди помещения, занимая практически всю площадь, стоял огромный стол-монстр, такая тумба два на полтора, набитая со всех четырех сторон кухонной утварью, которой я практически никогда не пользовалась.

Сгрузив мужчину на стол, я судорожно захлопала руками, чтобы свет стал максимально ярким, открыла ящик с лекарствами, взяла бутылочку со стимулирующей настойкой — силы мне понадобятся, после суматошной ночи и подвигов в приемном покое была выжата как лимон. Метнулась к стойке с разделочными ножами и кухонными ножницами. Бросила взгляд на часы — равнодушные ко всему цифры плыли в воздухе, ярко мигая на одном из шаров. Они отсчитывали неторопливые секунды, не подозревая, что складывают их в убийственные минуты.

Так. Разрезать одежду на мужчине. Сердце сжалось на мгновение — не поранить бы. Ножницы были обычные, кухонные, с острыми концами, не приспособленные для того, чтобы быстро и безопасно разрезать одежду на пострадавшем. «Надо бы завести дома нормальные», — мелькнула мысль...

Двенадцать секунд.

Что у нас тут? Кинжал аккурат в печени, как я и предполагала. Удар практически неощутимый — жертва ничего не чувствует, пока не истечет кровью. «Четыре минуты — взрослый сильный мужчина», — у меня в ушах так явно зазвучали слова профессора, что я чуть не вздрогнула, а этого делать было никак нельзя. Я плела кружева заговоров, сращивая ткани пробитой артерии, заживляя ткани печени и, миллиметр за миллиметром, вытаскивая из тела орудие убийства.

Семьдесят две секунды.

Раненый дышит. Прерывисто, едва слышно, но дышит. Сердце бьется нервными, затухающими скачками.

Глоток настойки — мне. Чуть-чуть силы в сердечную мышцу — ему.

Теперь легкие. Что там? Внешних повреждений нет. Положила ладони на левый бок — почувствовала, что туда ударили магией. Ударили с филигранной четкостью, до миллиметра, и с нужной силой — чтобы разорвать вену и добиться того, чтобы человек захлебнулся собственной кровью. Судя по тому, как мужчина хрипел и булькал, крови набралось в легких немало.

Внезапно пришла злость. И стало чуть полегче.

Я взяла кинжал, который только что извлекла из печени, оглядела — яда нет. На миг задумалась — все же он острее, чем мои кухонные ножи, — примерилась и резким сильным ударом проделала отверстие между ребрами. Расширителя и трубки не было, поэтому я чуть провернула лезвие и позвала кровь. Она покорилась — и выплеснулась наружу.

Мне удалось! Мужчина задыхался чуть ровнее. Я стала заживлять. И порванные внутри сосуды, и свой разрез.

Пятьдесят семь секунд.

Но оставалась проблема с огромной кровопотерей.

Я допила настойку, дала себе десять секунд на отдых. И выплеснула в мужчину остаток силы — все, что было, приказывая оставшейся в организме жидкости воспроизвести клетку, себе подобную. Потом еще по одной. И еще...

С интересом посмотрела на голубые цифры часов. Шар сочувственно подлетел прямо к лицу, чтобы мне было удобнее смотреть. Странно ведут себя сегодня шары — как будто они все... понимают... а ведь этого... не... может... быть...

Перевела взгляд на раненого. Поняла, что он очнулся. И кулем сползла на пол.

Столица. Чуть больше года назад. Сентябрь. Он

— Скажи, зачем тебе это было надо? — равнодушно спросил Великий князь Радомиров у своей бывшей любовницы.

Их милый, ни к чему не обязывающий роман закончился в тот момент, когда ему наскучил.

Случилось так, что несколько дней назад князь Андрей задержался на службе, доработавшись до звона в ушах. И на следующий день вдруг понял, что не хочет видеть эту, в общем-то вполне прелестную балерину. Распорядился, чтобы его порученец составил барышне письмо с уведомлением о том, что в ее услугах больше не нуждаются. Также приме императорского балета был передан чек на более чем приличную сумму, и князь выкинул эту историю из головы.

А сегодня этот самый порученец положил ему на стол газету. В которой Великий князь Поморья Радомиров Андрей Николаевич был главным героем. Любовником.

Сначала он просто пожал плечами. А потом — когда был уже в своем дворце — понял, что там слишком пусто. И отправился к женщине. Поговорить.

Они сидели в креслах в будуаре дома, который он снимал для нее. Молчали. Князь вертел в руках газету с нашумевшим интервью.

«Правда о моем расставании с князем Р.», — гласил заголовок.

Дурочкой молоденькая балерина не была. Девушка пробивалась трудом и потом с самых низов, всеми силами сохраняя в своей «воздушной» жизни достоинство — хотя бы видимость его. И вот такого демарша от нее Великий князь точно не ожидал.

— Зачем, Нина? — повторил он вопрос.

— Деньги, — спокойно, даже равнодушно отвечала прима-балерина Императорского театра.

— Ты думаешь, я дал бы тебе меньше?

— Что вы, — в голосе все-таки появился яд. — Щедрость вашего сиятельства... хорошо известна.

Андрей Николаевич улыбнулся. Вот знает, бестия, что больше всего в людях он ценит храбрость. Правда, еще и преданность. Но произносить это слово при содержанке, которая ему наскучила, было попросту нелепо.

Он продолжал вопросительно смотреть на нее. Нина вздохнула, поднялась. Отошла к окну.

— Глупо, наверное... — тихо сказала она. — Но у нас все было... как-то по-человечески. Не скажу — любовь. Это, конечно, сказки. А они хороши лишь на сцене. Но... вы были так... нежны. И относились ко мне... с уважением. Так было... До того самого письма, которое мне передали из вашей канцелярии.

— И вы оскорбились?!

— Да, — развернулась Нина — и с вызовом посмотрела ему в глаза.

— Ну, что ж, — поднялся князь. — Думаю, что на этом все. Дом останется за вами — я его распорядился выкупить. Желаю как можно лучше устроить свою жизнь.

— А газетчики меня пугали тем, что вы вышлете меня из столицы, — донеслось ему в спину.

Он только фыркнул.

— Вам просто все безразлично! И... мне вас жаль, — слова отразились от стен и растворились в воздухе облачком горьковатого аромата прекрасного, но ядовитого цветка.

Князь Андрей забрал фуражку с тростью у слуги и вышел, чувствуя, как прохладный сентябрьский ветер навевает ему мысли о свободе.

Он решил идти через парк. Во дворец, где обитал с самого рождения, но который со времени смерти родителей перестал быть домом, идти не хотелось. Хотелось уехать куда-нибудь с пустым блокнотом. И снова — как в юности — грифельным карандашом писать стихи, делать наброски, прятать между страниц красивые осенние листья...

Двух нападавших, что пытались убить его — МАГИЕЙ, — он уничтожил, одновременно разорвав им сердца. А вот абсолютно не магический кинжал, отправленный с истинно военной ловкостью ему в правый бок, — пропустил. Позор!

Но печалиться тому, что на него нападают военные, которых он искренне и вполне справедливо считал *своими*, было некогда. Метнул сгусток энергии в сторону нападавшего — и по хрипу понял, что не промахнулся.

А через доли секунды, по тому, как его скрутило невыносимой болью, понял, что первые две атаки были лишь отвлекающим маневром и основной удар — куда-то в область сердца — он опять пропустил.

Еще один вскрик. А кто сказал, что Великий князь Радомиров — легкая добыча? Да что он вообще добыча?!

Осознал, насколько все плохо, только когда стал оседать в золото листвы. Да... Разрешил личные проблемы с бывшей любовницей, нечего сказать... И о стихах помечтал. Хотя бы успел — почти успел — наколдовать перемещение к ближайшей целительнице...

Потом были какие-то странные видения — наверное, от потери крови. Хорошенькая девушка в белом платке целительницы, приговаривающая над ним слово «миленький». Он все хотел объяснить ей, что уж кем-кем, а вот «миленьким» — странновато и по старинке — его еще девушки не называли. Даже такие очаровательные. И молоденькие... Но ему все равно приятно. И он слушает этот голос, не позволяющий ему нырнуть в чуть мерцающую манящую тьму... Слушает, как девушка что-то приговаривает над ним.

Потом голос исчезает... Он понимает, насколько это неправильно. Тело начинает ломить, и с резким выдохом, отдающим острой болью в левом подреберье и в правом боку, мужчина приходит в себя.

Сразу вызывает подмогу — и в маленькой квартирке становится тесно.

— Убила бы! — заявила князю личная целительница, проводя руками над его многострадальным телом.

— Что с девушкой, Тамара Ильинична?

Он сфокусировал взгляд на белом пятне на полу. Понял, что это без чувств лежит его спасительница.

— Не думай даже! — прошипела целительница. — Никаких геройств! Лежи! Швы разойдутся.

Тамара Ильинична была приставлена к нему отцом еще в раннем младенчестве. Дама — уже тогда не молодая — отличалась скверным характером, крайней несдержанностью в речи и абсолютной преданностью. Преданностью роду Радомировых и лично князю Андрею.

Пока целительница бурчала, ее руки летали над девушкой.

— Все! — тяжело дыша, заявила Тамара Ильинична. — Жизни ее и так ничего не угрожало, энергию я ей влила — дар не потеряет. Хотя мозгов бы ей еще... С другой стороны,

иначе тебя было не спасти.

И она внимательно посмотрела на питомца.

— У нее оригинальный способ плетения. Девочка талантливая, очень сильная. И самоотверженная. Тебе повезло сегодня, Андрей. Как никогда повезло.

— Почему она не приходит в себя?

— Исчерпала все ресурсы. Сейчас ей нужно спать. Я распоряжусь, чтобы ее отнесли в спальню.

— Я сам! — рыкнул он. — Пусть никто не трогает!

— Тебе лежать надо! Швы разойдутся!

— Вот и придумай, как сделать, чтобы этого не случилось!

— Слушаюсь, Великий князь Радомиров, — насмешливо протянула целительница, и он почувствовал тепло, которое струилось с ее пальцев.

— И, кстати, надень ей это на руку.

И он подал целительнице браслет, стянутый с руки.

— Это же родовой артефакт энергии! — удивилась она.

— Я в курсе, — невозмутимо ответил князь. — А еще я знаю, что если бы не эта девочка, то меня бы с этим родовым артефактом и похоронили...

Он попытался встать — и у него даже получилось. Только было очень больно.

— Тамара Ильинична! — возмущенно выдохнул он. — А боль снять?

— Боль — это сигнал организма о том, что человек делает что-то не так. И человек должен прислушиваться к подобным сигналам. Нормальный человек!

Но он уже не слушал. Он склонился над бледненькой девочкой, которая его спасла. Из-под накрахмаленного платка выбилась прядь каштановых волос. Такими же блеклыми были брови и ресницы. Под закрытыми глазами залегли синие тени. Видимо, работала на износ — сутками. Чуть вздернутый нос, тонкие сухие губы — ни кровинки. Веснушки. Ногти обстрижены под корень. Еле слышный запах какого-то лекарства — никаких духов. Чем же она его так очаровывает? Что это с ним? Благодарность за спасение? Просто забота? Сердце защемило странной незнакомой нежностью.

Он вдруг ощутил, что вокруг очень-очень много народу. И начальник охраны, и следователи, и чиновник по личным поручениям. И все смотрят на то, как он разглядывает девушку, которая, кстати говоря, все еще лежит на полу.

Князь подхватил ее на руки и понес на второй этаж, где, скорее всего, была спальня. Понял вдруг, что девушка вся в крови. В его крови.

Развернулся.

— Петр Петрович.

Начальник охраны подобрался.

— Распорядитесь, чтобы прочесали Императорский парк — именно там было совершено нападение. Мне интересно, кто столь хорошо подготовился. И хотелось бы узнать, каким образом кто-то посторонний был в курсе моих передвижений по городу.

— Мне необходимо знать, — осторожно начал Петр Петрович, — каким образом вы вообще оказались в Императорском парке?

— Решил прогуляться после весьма неприятного разговора.

— Ваше сиятельство! — тихо и злобно сказал начальник охраны, сверля взглядом брата императора. Тот невозмутимо стоял на первой ступеньке лестницы, прижимая к себе целительницу. — Давайте вы примете уже мое прошение об отставке. Оно у вас год как

лежит. С того момента, как его величество распорядился, что у вас будет охрана — а вы решили, что вам это все не надо.

— Кто мы, — меланхолично отозвался Великий князь, — чтобы пренебрегать приказами его величества... Вы хорошо выполняете свою работу. На сегодня все.

Следователи исчезли. Начальник охраны остался стоять, упрямо глядя на светлейшего князя.

— Все свободны. Я останусь здесь.

— Но покушение... — все-таки возразил Петр Петрович.

— Не повод изменять своим привычкам, — иронично ответил родственник императора. — Доставьте сюда новый артефакт энергии. Повторяю — все свободны!

* * *

Спасительница заворочалась и задела ему правый бок. Он тихонько зашипел и решил, что надо подниматься — еще не хватало, чтобы девушка проснулась и перепугалась. Неизвестно кто, раненый, да еще и в ее кровати.

Остаток ночи он провел беспокойно — и свежие раны болели, и дышала девушка настолько тихо, что время от времени он просыпался в страхе за нее. Лежал, прислушиваясь несколько долгих-долгих секунд... Потом склонялся над ней, словно самый нежный из любовников... улавливал беззвучное дыхание. И засыпал снова. Успокоенный.

Проснулся окончательно уже ближе к обеду.

Отправился в купальню. Конечно, он понимал, что комната, потолок которой покрывают водяные шары с горячей и холодной водой, мылом, пенками, шампунями и прочими прихотями, возможна лишь во дворцах. Но аскетизм квартиры молоденькой целительницы... произвел впечатление. Странно. Целительницы не бедствовали. Никогда. Молодая девушка как-никак...

Жители Поморья, а особенно представительницы прекрасного пола, были очень домовиты. На белоснежных накрахмаленных просторах скатертей и полотенец адели снегири и ягоды рябины. Мчались вдаль, не замечая снежной бури, стаи волков. Чем богаче и наряднее вышивка — тем лучше хозяйка.

Здесь же глазу зацепиться было не за что! Белые полотенца. Чистые, выглаженные. Но не накрахмаленные. Точно такие же он видел в Госпитале. Белые полотенца с вышитым в правом нижнем углу красной нитью гербом — волчица, кормящая своих щенков.

На этих полотенцах не было ничего. Такие продают под вышивку. Он задумался. У целительницы, конечно, времени на вышивку нет. Тем более у сильной и талантливой. Но ведь можно купить уже вышитые! Значит, это ее выбор. Просто белый. Как в госпитале...

Размышляя таким образом, попытался вымыться. Было неудобно — места мало, кусочек мыла все время выскакивал из рук. Шара с мылом или шампунем не нашлось вовсе, да и с водой их было только три. Какой-то никому не нужный, Небом проклятый аскетизм! Неизвестно по какой причине режим жесточайшей экономии — будто ни родственников, ни мужчин...

Хорошо, что одежду ему доставили еще с вечера — личный секретарь работал, как обычно, безукоризненно.

Обыскал кухню — не нашел ни джезвы, ни кофе. Поморщился. Распорядился, чтобы ему

доставили все необходимое. Вызвал целительницу. Пытаясь говорить тихо (получалось не очень, но он старался) — попросил, чтобы она все-таки сняла боль. Уверил, что понял уже, надо быть осторожнее.

Потом отправил Тамару Ильиничну наверх, проверить, что там с девочкой, которая его спасла.

И только потом приказал отчитаться следственной группе, работавшей по покушению. Следователь по особым поручениям явился в тесную квартирку целительницы, которую Великий князь Радомиров отчего-то произвел в ранг своей штаб-квартиры.

— Кто? — только и спросил князь у следователя. Они с Сергеем Ивановичем Тюленевым работали уже много лет вместе и понимали друг друга с полуслова. А Радомирова сейчас интересовал только один вопрос.

Сергей Иванович тяжело вздохнул, поморщился и нехотя ответил на вопрос о нападавших:

— Студенты. Один из Академии Наставников — факультет физической культуры. Второй — студент Академии Горных Наук. И...

Сергей Иванович запнулся.

— Продолжайте, — приказал Великий князь.

— Один из нападавших был военным.

— Это понятно. Кинжалы просто так таким образом не летают, — задумчиво проговорил Радомиров.

— Военная Академия Поморья, — только и смог развести руками следователь, прекрасно понимая, как больно слышать князю Радомирову о том, что один из нападавших обучался в учебном заведении, которое Андрей Николаевич не просто курировал, а считал его своей вотчиной.

— Кто четвертый? — перевел на него тяжелый взгляд князь. — Их было четверо.

— Ушел. — А вот за это следователю и всем оперативникам было стыдно. — Порталы перемещения строит мастерски.

— Радиус?

— Вынырнул через восемь километров от места покушения. Другой конец города. Затерялся.

— Вот объясните мне, Сергей Иванович, — князь Радомиров потер правый бок, тот вдруг заныл, — зачем это им? Люди в стране живут... Не хуже и не лучше, чем везде. Воруют, конечно, у нас... Но это, боюсь, мало исправимо... А так — любой может дослужиться до личного дворянства. Работать, правда, надо... Мы выстроили систему за годы после войны. И регулярно я вижу подтверждения тому, что она работает. Всеобщая грамотность, возможность обучаться в высших учебных заведениях представителям всех сословий.

Он обреченно махнул рукой:

— Так почему студенты? Зачем? Чего они хотят? Неужели истории, которая приключилась двадцать лет назад, не хватило? В один день убили императора с императрицей. Моего отца — начальника Службы Безопасности Поморья... И все это ради свободы! И к чему это привело?

Князь Андрей говорил тихо, словно самому себе, не отрывая взгляда от камина...

— Молодые люди что — забыли о том, что сразу же началась Гражданская война? И одновременно с ней — интервенция на наши приграничные области? Они стараются не вспоминать, как подданных Поморской Империи вырезали только для того, чтобы

освободить территории?

— Ваше сиятельство... — попытался успокоить его следователь по особым поручениям, но ему это не удалось.

— Неужели студенты всерьез считают, что тогда было лучше, что это и была свобода? А сейчас, когда сытость и защищенность, — тирания?

— Дураки потому что, — проворчал Сергей Иванович. — В бою не были.

Но Великий князь его просто не услышал:

— И потом... Ладно я. Я — цепной пес, душитель свобод... И много еще что. И в большинстве случаев — это правда... Но к себе-то они так зачем? Им же жить и жить!

— Ваше сиятельство... Андрей Николаевич... Вы же понимаете, что ответов на эти вопросы нет. И нет не только у вас или у меня. Ответа на этот вопрос нет и у тех молодых людей, что пытаются вас убить. Я не беру во внимание лозунги, которыми они нас потчуют, или восторженные речи о необходимости умереть за Родину, лишь бы не оставлять ее в руках самодура. Простите. Они не находятся под воздействием наркотиков. Они не агенты наших зарубежных коллег. Они не умственно отсталые. И они практически все из дворянского сословия.

— Да... Сергей Иванович, умеете вы... утешить... А помните, после победы нам казалось, что все самое страшное — позади. Что мы сумеем все наладить. Пусть вокруг разруха, но у нас все получится...

— И все ведь получилось.

— Только чувствую я себя детоубийцей, — едва слышно проговорил князь.

— Потому что вы — в отличие от этих поборников свободы — человек, — резко оборвал его следователь. — Пусть и наделенный властью. Вы умеете ценить жизнь, в том числе чужую. А эти дети — нет.

И следователь поспешил откланяться.

Сергей Иванович предпочитал видеть высокое начальство не сомневающимся в правильности своих поступков, в бодром состоянии духа. А подобные философские страдания, несомненно, угнетали. Перед тем как воспользоваться порталом переноса — сегодня надо еще слишком много успеть сделать, — он оглянулся на Великого князя Радомирова. Тот сидел в кресле перед горящим камином. Нет, он не сгорбился, не опустил голову. Наверное, попросту не умел. Но от него веяло такой безысходностью, что следователю стало не по себе.

«Принести ему бутылку коньяку, что ли? Выпить в медицинских целях...»

Представив, как он это делает, Сергей Иванович вздохнул — и вошел в портал.

Сам он напился позже. Вусмерть. После разговора с родителями погибших студентов.

Столица. Чуть больше года назад. Сентябрь. Она

Как все-таки хорошо выспаться! Я потянулась в кровати. Улыбнулась — и пошла умываться. Это же надо, какие интересные сны снятся с усталости! А мужчина, которого я спасала, был очень и очень симпатичный. Потрясающая фигура... А ресницы! Наверное, в реальной жизни он бы мне понравился. И, скорее всего, я бы бекала и мекала, если бы он со мной заговорил. А потом бы сказала какую-нибудь гадость — и гордо удалилась. Чтобы потом пожалеть.

Я вышла из купальни. Отдельная купальня — целых три шара с водой, и все — только мои! Роскошь, о которой можно только мечтать! Белые полотенца — как в госпитале. Вышитые полотенца я не любила. Они напоминали о доме, семье... маме. Это слишком больно. И потом, невышитые стоили дешевле.

Вымылась, надела халат, и... Натолкнулась глазами на свою форменную одежду, покрытую бурой, спекшейся кровью. «Суточной давности», — машинально отметил мозг. Закрыла лицо руками от неожиданности.

Что-то скользнуло по запястью. Что-то, чего там еще вчера... не было. Синие, сложной огранки камни, вплетенные в кожаный шнур. Закрыла глаза, потянулась к нитям. Артефакт. Очень мощный.

Я заметалась по ванной комнате, хлопнула дверью, метнулась в спальню, зацепилась бедром за угол стеклянного прикроватного столика, свалила стопку книг, зашипела от боли — и когда я научусь не наткаться на острые углы!

— Что случилось?! — хлопнув дверью, в комнату вбежал мужчина, в котором я опознала вчерашнего спасенного.

Не сон...

Я завизжала.

— Да что случилось-то? — У мужчины, который (как я думала) мне только приснился, на лице было написано недоумение. — Вчера вы вели себя как-то... тише.

Я от возмущения перестала издавать громкие звуки.

— Сейчас... полицию вызову! — пробекала-промекала я дрожащим голосом.

— Не надо... — попросил мужчина, делая шаг назад. — Вы меня спасли, потеряли сознание. Я остался, потому что беспокоился...

— Вы кто?

— Я... — Мужчина как-то нахмурился, потом довольно улыбнулся, словно какая-то хорошая идея пришла ему в голову. Улыбка сделала его моложе и приятнее. — Позвольте представиться — Миров Андрей Николаевич. Я... полковник Министерства безопасности Поморья. У меня даже документы есть. Хотите, покажу?

— Хочу, — злобно ответила я. Первый испуг прошел, и злилась я уже в основном на себя. Мужчина мне понравился — конечно, если общение перевести из моей спальни... хотя бы в гостиную.

— А я еду приготовил, — как-то печально отозвался полковник Министерства безопасности.

— Приготовили? — с подозрением посмотрела я на него. Господа такого ранга как-то не ассоциировались у меня с людьми, умеющими готовить.

— Вы меня раскусили, — с хитринкой посмотрел на меня мужчина, и я против воли

улыбнулась в ответ. — Готовить я не умею. Я все заказал. В ресторане. Все, что мог представить себе вкусного. Да... Не беспокойтесь. Стол на кухне я отмыл от крови. Это я уже сам, даю слово...

И было в его голосе столько гордости, словно он... дракона победил, по меньшей мере...

— Вы присоединитесь ко мне за ужином? — тихонько попросил он.

— Ужином? — вскинула я на него глаза, потом вспомнила кровь суточной давности на моей одежде. — Сутки.

— Да, — кивнул мужчина. — Вы спали сутки. Я переживал. Даже целительницу вызывал, чтобы вас осмотрели. Но все обошлось. Вам надо поесть.

— Хорошо, — почему-то согласилась я. — Только... переоденусь.

— Я подожду вас внизу.

Спустя несколько минут я спустилась на кухню. Стол, на котором я вчера спасала моего неожиданного сотрапезника, был завален всяческими коробочками, пакетиками и сверточками. Еще присутствовал такой букет кремовых роз, что, приди мне в голову шальная мысль его поднять, я бы наверняка свалилась под тяжестью.

Я стояла и разглядывала цветы.

— Вы не любите розы? — тихонько спросил меня мужчина, столь же неуместный в моем доме, как и эти роскошные розы со стеблями почти метровой длины.

— Не представляю, в какую емкость их поставить, — пробормотала я, ощущая себя как-то глупо. — Такое количество...

— Да... Сто одна штука. А во что цветы ставят? — так же растерянно спросил меня мужчина.

— В вазочку... Хотя сто одну штуку... Не представляю.

Мы посмотрели друг на друга — и расхохотались. М-да... Два специалиста.

— За стол? — отсмеявшись, предложил мужчина.

— Идет, — кивнула я.

Мне подали руку. Я подумала — и вложила в его теплую большую ладонь свою ладошку. Было непривычно, но очень приятно.

По запястью съехал артефакт, словно стремясь вернуться к хозяину.

— Да... — неловко обратилась я к мужчине. — Возьмите, пожалуйста. Похоже, он ваш.

И я сняла с руки браслет.

— Нет.

Мою руку мягко взяли в свою — мне показалось на миг, что он сейчас ее поцелует. Но мужчина просто надел обратно браслет.

— Он очень дорогой, — решительно проговорила я.

— Не дороже жизни, вы не находите?

Я упрямо потупилась.

— Пожалуйста, не спорьте. И вообще, давайте ужинать. Кстати, из горячего есть мясо, рыба и птица. Я не знал, что вы любите, — и заказал всего понемногу. Есть вино. Тоже разных сортов.

— Я не пью вино. Я целительница, — пробурчала я. Не то чтобы я была чем-то недовольна, просто смущалась отчаянно.

— Простите, не подумал, — расстроился он. — Я, кстати, съел ваш вчерашний ужин. Там было много чего с креветками. Я подумал — и заказал салат с ними. Будете?

— Да, — оживилась я.

Стоило увидеть еду на тарелке, как я почувствовала дикий голод. И мне как-то стало не до светских бесед. Хотя какие светские беседы. Я их никогда не умела вести...

Подняла глаза. Первый раз внимательно посмотрела на мужчину, сидящего напротив меня. Не очень высокий, но гармонично сложенный. Крупные черты поморца, ранняя седина, голубые глаза, усы чуть скрывали красивые, четко очерченные полные губы. Длинные ресницы чуть дрогнули — я поняла, что он увидел, как его беззастенчиво рассматривают.

— Как вы себя чувствуете? — спросила я. А что делать, надо же о чем-то разговаривать.

— Простите, а можно узнать, как вас зовут? Мне очень неловко, — он широко улыбнулся.

— Ирина Алексеевна, — смутилась я от собственной невоспитанности.

— А меня — Андрей Николаевич. И благодаря вам я чувствую себя хорошо. Я вообще быстро восстанавливаюсь. Так что, если уж я сразу не погиб... — насмешливо начал он.

«Сожалею, но вся ваша семья погибла»...

В голове зазвенело.

— Ирина Алексеевна! — услышала она его слова. — Простите дурака...

— Ничего... Пройдет.

Я решительно поднялась. Он тотчас же вскочил.

— Вам что-нибудь подать?

— Нет, — я замотала головой. — Да... Пить.

Он растерянно смотрел, как я открыла дверцу холодильника, нашла вишневый сок. Распечатала бутылочку — и, демонстрируя полное отсутствие манер, выпила прямо из горлышка.

Потом достала еще одну бутылочку.

Посмотрела на мужчину.

— Простите, — тихо сказала я. — Наверное, это все... лишнее.

И кивнула на заваленный стол.

— Вас тяготит мое общество?

— Не ваше конкретно. Меня тяготит любое общество. — И, не зная почему, добавила: — Простите, Андрей Николаевич.

— Я только хотел отблагодарить...

— Не стоит. Не принимайте на свой счет... но я умею общаться с людьми, пока я их лечу. Потом... не получается. Вообще не получается. И, пожалуйста, заберите ваш артефакт. Я не принимаю таких дорогих подарков. Вы ставите меня в неловкое положение.

Мужчина посмотрел на меня внимательно, коротко поклонился — и направился к выходу.

— Артефакт, — напомнила я.

— Нет, — ответил он уже с порога. — Кстати, там на полке, где лекарства, несколько бутылочек с вашей настойкой.

Когда замок на двери едва слышно защелкнулся, провожая незваного гостя, я вздрогнула.

Столица. Сентябрь. Чуть больше года назад. Он

— Значит, «умею общаться с людьми, только когда их лечу!» — ворчал князь, сотворив портал в Министерство. — Нет, надо было ей сказать, что я спал в ее постели, что я сутки находился рядом...

«И успел навдумывать себе неизвестно чего», — пронеслась мысль.

— Ваше сиятельство! — метнулся ему навстречу порученец.

— Дмитрий Всеволодович, биографию Ирины Алексеевны... Как ее фамилия, кстати говоря?

— Иевлева, — открыл папку порученец.

— Прелестно, — сквозь зубы ответствовал родственник императора. — Имеет отношение к генералу Иевлеву?

— Дочь, ваше сиятельство! — бодро отрапортовал подчиненный.

— Замечательно, — поморщился он от неприязни к себе, — у девочки вся семья погибла... Поставьте к дому охрану.

Взял папку из рук опешившего порученца и направился к себе в кабинет.

«Если б там еще было написано, чем ей розы не угодили... А еще лучше, какие цветы она любит. Чем ее можно порадовать?»

— Так, что там у нас? — продолжил разговор сам с собой князь. — Ирина Алексеевна Иевлева. Двадцать шесть лет. Целитель. Так. С пяти лет обучалась в пансионе для целительниц... Золотая медаль. Ага. С пятнадцати лет — столичная Академия Целительства. Красный диплом — кто бы сомневался. Сирота. Вся семья погибла в Мирограде. Сначала мать с сестрой, потом и отец. Девочка осталась жива, потому что на тот момент находилась в пансионе при Академии Целительства в столице...

Вспомнил ее растерянный взгляд, каким она обвела заваленный стол, ее небольшую чистенькую квартирку — и даже не стал читать психопрофиль — на целительниц, как на военнообязанных, он тоже составлялся. Князь попросту понял, что там прочтет: «Независима, упряма, некоммуникабельна со всеми, исключая пациентов. Связей нет».

— И какие цветы дарят девушке, которая никого к себе не подпускает?

Он помолчал, подумал, вспомнил о делах насущных:

— Начальников отделов ко мне на доклад. И как только у Сергея Ивановича будут какие-нибудь новости по покушению — тоже ко мне.

* * *

В Министерстве безопасности Поморья под командованием Великого князя Радомирова было пять отделов. Первый — отдел внешней разведки, второй — отдел борьбы с врагами внутри государства, третий — отдел пропаганды, четвертый — экономический отдел и отдел пятый — охрана первых лиц государства.

Начальники отделов были в печали. Можно сказать, в тоске. Покушений такого масштаба давно уже не было. И как-то все привыкли к мысли, что военного положения — такого, как в годы Черной войны и первые пять лет после нее, — тоже не будет. Тяжело ведь жить все время в состоянии боевой готовности, все время ожидая нападения...

Расслабились. Размечтались. А вон как вынесло...

— Итак, господа, — обвел тяжелым взглядом князь Радомиров всех присутствующих, — мне вот интересно, где могли встретиться несчастные мальчишки с тем или с теми, кому они помогали убивать меня? В Поморской научной библиотеке? И почему для покушения на меня опять завербовали студентов?

Он злобно скривился и заговорил снова:

— Вам не кажется, что у правящего рода не складывается общение со студенчеством? Двадцать лет назад они уже участвовали в убийстве императора и императрицы. А также князя и княгини Радомировых, обставив все таким образом, что в один день погибли и мои родители, и родители наследника!

Начальники отделов переглянулись. Все понимали, что — да... Виноваты. Прошляпили. И что оправдания им нет.

— И почему в Министерстве безопасности Поморья никто знать ничего не знает о том, что студенты вернулись к прежним развлечениям?

— Мы готовы подать прошение об отставке, — тяжело вздохнул самый пожилой из них — он командовал внешней разведкой еще при покойном императоре. — Этому нет оправдания.

— Не смешите меня, — оборвал его Радомиров. — Вы, значит, в отставку, в поместье, к внукам, — а я это все буду сам расхлебывать? И узнавать у ваших агентов, есть ли внешний след? И искать потоки денежных средств — потому что за меня явно кому-то заплатили? И все это я буду делать лично?!

Недобрый взгляд в сторону начальника отдела экономики:

— И вообще, я отвлек вас от *важных*, — это было сказано с иронией, — дел лишь для того, чтобы прояснить свою позицию по данному вопросу. Никаких отставок. Никаких истерик. Никаких интриг между отделами!

И он внимательно посмотрел на руководителей отделов по работе с внутренними врагами и охраны первых лиц. На протяжении этого года они упорно интриговали друг против друга. Все знали, что Андрей Николаевич не выносит идею личной охраны, — и начальники отделов считали необходимым продемонстрировать охранникам свое «фи». Особенно старались специалисты из отдела по работе с внутренними врагами. Охранники — будучи людьми злопамятными, а магами сильными — в долгу не оставались. Вот так все друг друга и развлекали. Время-то мирное... Делать-то нечего... Вот и допрыгались...

— Ваше сиятельство! — заговорил начальник отдела пропаганды.

— Просто найдите того, кто это сделал, — прервал Великий князь говорящего. — Свободны!

* * *

Князь Радомиров подошел к окну и посмотрел на золотистый отблеск фонарей в бархатно-черной реке.

— Осень, — тихо проговорил он. — Когда-то мне осенью стихи писались лучше даже, чем весной...

— А коньяк тебе лучше было пить в какое время года? Осенью или весной? — раздался у него за спиной знакомый голос.

— Коньяк — круглогодично, — с ноткой грусти отозвался князь. — Мне сейчас действительно не помешает напиток. Может, я что и пойму в этой жизни...

— Андрей Николаевич, что за похоронное настроение? — удивился его собеседник. — Живой же!

— Не знаю, Семен Семенович, — обратился князь к старому сослуживцу и своему другу, — не знаю. Как-то все... бессмысленно...

— Налито, — откликнулся на его философскую сентенцию друг.

Князь Радомиров подошел к огромному столу для совещаний. Взял бокал и молча выпил.

— Вот и хорошо. Вот и ладушки, — неизвестно чему обрадовался Семен Семенович, наливая еще по одной. — А теперь еще раз. И уже с положенным тостом.

— Будем жить! — тостом, положенным на фронте, отозвался сослуживец.

Третьим тостом они помянули всех, кто не дожил.

А там и бутылка закончилась.

Князь Радомиров вызвал ординарца, распорядился подать еще коньяку.

— Кстати, ты ужинал? — спросил его Семен Семенович.

— О... — язвительно отозвался князь. — Я сегодня почти обедал. Мне хватило.

— Понятно, — протянул его друг. — И кто она? Балерина? Актриса? Слушай, а вот почему ты с оперными певицами любовных связей не заводишь? Они очень даже... ничего. С формами! А у балерин — плохой характер. От голода...

— Это не актриса и не балерина. Все гораздо хуже...

Они подождали, пока постучавшийся ординарец войдет и оставит коньяк. Семен Семенович распорядился подать также и ужин.

— Хуже? Насколько?

— Она — целительница. И ей не понравились розы, — печально сказал Радомиров.

— Может, ландыши? — едва слышно сказал его друг. — Лена их любила...

И князь Радомиров внимательно посмотрел на генерала Макарова.

Война... Время, когда кожей чувствуешь каждое мгновение прожитой жизни. Когда сходишь с ума от простых, казалось бы, вещей просто потому, что знаешь — может быть, уже завтра от всего этого не останется даже воспоминаний... От куска хлеба, от рассвета, до которого все-таки дожили, от глотка свежего воздуха. От близости с женщиной. От любви, которая случилась так не вовремя. Семен Семенович Макаров — тогда еще не генерал вовсе... И Елена. Его Лена. Макаров, так и не узнавший в ту безумную весну, кто она такая. Только то, что Лена любила ландыши и его, Семена.

Ее гибель — такая нелепая...

Сколько лет прошло — а боль не оставляет...

— Все пьете? — раздался с порога негодующий бас.

Генерал Макаров и Великий князь Радомиров вытянулись по стойке смирно — их посетил император. Да еще и в сопровождении военного министра, графа Морозова.

Граф, старинный приятель еще покойных императора и императрицы, насмешливо посмотрел на смежников.

— Я вот не понимаю... — гневался повелитель. — Вот почему вы пьете на рабочем месте? Что за безобразие? Что за вопиющее нарушение? Почему меня не позвали? Какое имели право обойти уважаемого Павла Афанасьевича!

И император кивнул на своего спутника, который, уже не сдерживаясь, улыбался. Благо

— за густыми усами и роскошной седой бородой заметно этого практически не было.

— Простите, ваше величество, — протянул генерал Макаров. — Мы не осмелились беспокоить...

— Вы даже не вспомнили про нас, — пробурчал император. — Вот как что-то надо вашему драгоценному Министерству — так от вас не отобьешься. А как водки выпить... Или что там у вас?

Отправили ординарца еще за одной бутылкой. Император величественно затребовал себе нарезанного лимончика к коньячку. И они продолжили... Уже вчетвером.

* * *

Князь Андрей несколько раз прокручивал в голове варианты встречи с целительницей. Но не ожидал, что она смущенно улыбнется и проговорит:

— Как хорошо, что вы пришли, Андрей Николаевич. Я вчера вам нагрубила и переживала всю ночь. Простите меня.

В воскресный день, видимо, в честь выходного, одета она была не в белое, а каштановые волосы заплетены в две косы, а не стянуты шпильками на затылке.

Князь вспомнил, как ночью вытаскивал шпильки из ее волос — ему почему-то показалось, что ей сразу станет легче, когда он это сделает...

— Я принес вам ландыши, — ответил он невпопад.

Ее хорошенькое личико осветилось такой радостью, что ему пришлось призвать на помощь все свое самообладание и здравый смысл заодно, чтобы не обнять ее прямо здесь, на пороге.

Столица. Чуть больше года назад. Сентябрь. Она

Я так обрадовалась тому, что обнаружила Андрея Николаевича у себя на пороге, что даже забыла задуматься — откуда эта радость.

— Могу я пригласить вас на обед? — спросил он.

— Хорошо, — улыбка так и не желала уступать место моей обычной сдержанности. А еще эти ландыши... Крохотные белоснежные колокольчики. Может, это их беззвучный перезвон меня околдовал? Я ведь не хочу — а улыбаюсь...

Я закрыла глаза, чтобы еще острее ощутить аромат.

— Это просто чудо какое-то! Где вы их раздобыли?

— Ох... — вздохнул он как-то печально. — Хотел бы я ответить, что исключительно подвигом. Но это будет неправда, — он говорил серьезно, но в голубых глазах резвились смешинки.

— А как же? — я не могла отвести взгляда.

— Тиранией своего отдела. Мне раздобыли корневища — и всю ночь пытались вырастить ландыши. Я вспомнил все, что проходят в школе по ботанике.

— Про то, как заколдовать воду для полива растений? Я тоже это помню! Даже помню картинку из учебника... Спасибо, — тихо сказала я.

— Обед, — напомнили мне.

Я взяла жакет, надела небольшую шляпку — модную, даже с вуалью, закрыла дом.

— Я могу взять вас за руку? Просто мне хочется пообедать в моем любимом месте — а это далеко. Не в столице. Туда надо выстроить портал.

— Хорошо, — и я протянула ему руку.

Раздался хлопок.

Я открыла глаза. Перед нами была серая громадина старинной крепости, похожая на свернувшегося в кольцо огромного дракона. Круглые башни гордо возносились в прозрачное небо. Солнце чуть золотило листья деревьев, что росли вокруг.

— Вам здесь нравится? — осторожно спросил Андрей Николаевич.

— Очень красиво, — выдохнула я. — Это которая из Северных крепостей?

— Это Борск.

— А можно забраться на башню? — жадно оглядывая окрестности, спросила я.

— Конечно, — улыбнулся он.

— Всегда хотела путешествовать... — мечтательно проговорила я, когда мы уже забрались на самый верх по лестнице, что вилась «дымом», огибая башню по кругу. Я смотрела, стараясь запомнить то, что вижу, навсегда — зеленеющие поля, золотой лес, синее-синее озеро неподалеку. Ощущение свободы. Небо, которое внезапно стало так близко и которое принадлежало нам одним.

Мы долго стояли молча, закутавшись в безмолвие, как в теплое одеяло... Счастливые от того, что были здесь одни... Как дети, которые нашли что-то интересное, и теперь у них был свой секрет. Своя тайна.

— Я здесь бываю время от времени. Забираюсь на эту башню... И думаю... — вздохнул Андрей Николаевич.

— О чем? — не отрывая взгляда от головокружительной перспективы, спросила я.

— Как правило, что было бы, если бы... — не очень понятно ответил он. Но я не стала

уточнять. Со мной поделились Секретом, мне доверили Тайну — этого было достаточно...

— Хорошее место. Очень.

— Сюда хорошо приезжать весной, когда прилетают лебеди. Тогда я впервые здесь побывал. Все других цветов... И вода, и небо, и зелень... Только камни такие же — серые.

Я молчала и думала о том, как ненавижу весну. Весной мне сообщили, что теперь я одна на всем белом свете. Весна унесла с собой всех, кого я любила. Сделав над собой усилие, глубоко вдохнула сладкий осенний воздух и крепче прижала к себе маленький букетик — белый флажок примирения...

После того воскресенья мы стали встречаться. Не так часто, как хотелось. У меня было много работы. Да и у него, как я понимаю, не меньше. Одно было неизменно — он встречал меня после каждого дежурства. И провожал домой. Вечером, правда, не всегда. Как получалось... А вот утром, когда я выходила из госпиталя — когда бодрая, подрагивая от щедро разлитого по венам адреналина, когда неживая, подремывая от усталости... Он ждал меня на противоположной от госпиталя стороне проспекта.

Мы много говорили по кулону-переговорнику. Он мне его вручил через несколько дней знакомства. В этом случае я столкнулась с потрясающим упрямством. Как ни пыталась ему объяснить, что он ставит меня в неловкое положение, что я не могу принимать такие дорогие подарки... Все было бесполезно. Как и в случае с артефактом. Он согласно кивал в ответ на мои слова возмущения. А потом я обнаружила кулон на столике в прихожей. Андрей Николаевич же связался со мной — как ни в чем не бывало...

В следующие выходные он пришел и предложил отправиться на юг.

— Вы видели водопады в ущелье Фа-Го? — спросил он.

И я радостно закивала:

— Отец возил нас туда — мы жили неподалеку. С детства их люблю!

— Отправляемся? — протянул он руку.

На юге Империи было еще совсем тепло — как будто и не осень. Мы любовались звенящим водопадом в горах — огромный камень, чем-то похожий на сердце, омывали струи воды и падали в пропасть.

— А вы помните сказку о том, что этот камень — сердце колдуна? — спросила я Андрея Николаевича.

Полковник насмешливо фыркнул. В романтические сказки, как я поняла, он не верил. А я вот их любила... И поэтому сказала, улыбаясь:

— Вот зря вы так! Местные жители помнят легенду о могущественном колдуне. Он полюбил красавицу. Но девушка не ответила взаимностью — и погибла при очередной попытке сбежать от него... Тогда колдун превратился в этот камень.

— Девушек ему по округе было мало, что ли? — проворчал Андрей Николаевич.

— Значит, она была той самой, единственной, — тихо сказала я. — Мне всегда было жаль колдуна.

— Он — глупец.

— Он полюбил. И не смог отпустить. И пережил такую муку — узнал, что из-за его чувств погиб человек... Любимая...

Андрей Николаевич зафыркал, пытаясь сдержать смех.

— Вы не пробовали писать сказки? Про магические миры, которые столь популярны среди молодежи последнее время?

— Я их не пишу! — Возмущению моему не было предела. — Я их читаю. И очень-очень

люблю!

— Простите. — Он уже смеялся в открытую. — Вы такая серьезная. Такая...

И он с такой нежностью посмотрел на меня, что злиться на него было невозможно.

А через неделю мы отправились на север, на спящее подо льдом озеро Зоркое — самое большое на нашем континенте.

— Вам не холодно? — обеспокоенно спрашивал он. Я только отрицательно качала головой. Ко мне он пришел с таким количеством меховой одежды, что сейчас, надев ее, я ощущала себя укутанной тюленем.

Солнечный день, сверкающие ледяные глыбы... Мороз.

— Вы знаете, — хитро улыбнулись мне, — в этих краях тоже есть легенда...

— И о чем она? — замерла я в нетерпении.

— Все не так мрачно. Здесь красавица-река убегала от сурового отца к любимому.

— И ей это удалось?

— Нет. С тех пор две реки обречены вечно убегать друг от друга. Легенда объясняет тот удивительный факт, что озеро обладает двумя круговыми течениями, которые движутся в разные стороны. Именно здесь добывают структурный лед.

В тот день мы обгорели — на лице остались непострадавшими лишь светлые пятна от очков, спасающих глаза от солнца. Мы их все-таки догадались нацепить. Андрея Николаевича я вылечила быстро — а вот себя тяжело. На следующий день пришлось обращаться к дежурной.

Вот так в моей жизни появился... Еще кто-то. Кто-то, с кем я чувствовала себя счастливой...

Меня поражало, с какой легкостью он строил для нас порталы. Андрей Николаевич услышал, должно быть, мои тихие слова о том, что я всегда мечтала путешествовать. И воплощал мою мечту в жизнь. Это было так тепло, волшебно, непривычно... Кто-то что-то делал для меня. Для меня одной! Кому-то каждый день было не все равно, как я его прожила...

Я доверяла выбор маршрутов ему. Попросила только однажды — мне нестерпимо захотелось побывать в Мирограде — самом восточном городе Поморья. Городе, обороной которого командовал мой отец. Где погибла вся моя семья.

Судьбе было угодно, чтобы я осталась в живых... Я никогда — при жизни моих — не была в Мирограде. Отца перевели туда перед самой войной — с юга Поморья, где прошло мое детство. Пока генерал Иевлев перебирался на новое место службы, мама с сестрой поехали в столицу — проведать меня в пансионе.

— Как ты, солнышко? — все спрашивала мама, что печалилась от разлуки больше меня самой. Она держала меня за руки и все заглядывала в глаза. Я же... настолько была под впечатлением от того, что магия целительниц мне подчиняется, настолько была... увлечена собой, что просто отмахнулась...

Как я? Замечательно! У меня же все получалось... Я почти умею лечить. И почти полноправная целительница!

Мама и сестра уехали к отцу — договорившись с начальницей пансиона, что заберут меня на зимних каникулах и будут навещать как можно чаще...

И все... Дальше была только война.

Для меня навсегда останется загадкой — почему отец не смог эвакуировать маму и сестру. Хотя... общественными порталами было пользоваться невозможно — транспортная

система рухнула — интервенты озаботились. А ехать через всю страну, охваченную смутой...

Так что... Я была в Миргороде один раз — на открытии памятника отцу. И вдруг захотелось увидеть город таким, каким видели его они до войны, — океан, накатывающий на набережную, улыбающиеся люди. Ветер приносит звуки духового оркестра — играют модный вальс.

Я закрываю глаза... Мне кажется — еще немного — и я увижу маму. Сестру с ее всегда идеально уложенными локонами. Отца. Его фигуру с безупречной выправкой...

Сцепила руки — не плакать. Почувствовала спиной, как Андрей Николаевич сделал полшага ко мне и замер, почти касаясь.

— Подумайте о том, что часть их всегда с вами, — едва слышно сказал он мне на ухо. — Они радуются вашему счастью. Огорчаются вашим слезам... Они с вами — почувствуйте их... Это такое горькое... утешение. Но это единственное, что у нас с вами есть...

И я растворилась в этом городе. Я поверила, что мои рядом. Я танцевала вальс с Андреем Николаевичем. Потом мы ужинали в ресторанчике «Дары океана». Я смеялась. И они... Они были рядом — я их чувствовала! И они... Они были счастливы за нас.

Осень пролетела незаметно, и белоснежная зима торжественно вступала в свои права. На каникулы Андрей Николаевич убывал в командировку, на все праздники — он недовольно морщился, сообщая мне об этом.

Я огорчилась, но постаралась не подать виду. Отправилась к заведующей — и собрала себе все возможные и невозможные дежурства на праздники. А что? У меня все равно эти дни свободны — зачем людям, у кого есть с кем праздновать, настроение портить?

Великий князь Радомиров Андрей Николаевич наблюдал за яркими парами, порхающими под звуки вальса.

Снежный бал! Снежный бал! Снежный бал во дворце! Все блестит, все сияет — мерцает, горит, переливается...

Он смотрел вокруг и думал только об одном: понравилось бы ей все это? Наверное — да. Еловые гирлянды, украшенные вырезанными из искусственного льда зачарованными мерцающими снежинками, создавали сказочное настроение. Снегири на них сидели не настоящие — всего лишь трехмерная иллюзия, сделанная лучшими магами. Настоящие птицы могли испортить дамам платья... Но его целительница наверняка бы поверила! Вряд ли она видела трехмерные иллюзии когда-нибудь. А вот хвойный аромат был настоящим. Ей наверняка бы понравилось, как и белоснежные волки, запряженные в сани для катаний по шесть, а то и по восемь в упряжке. Ради увеселительных прогулок их специально пригласили. И цыган выписали. Интересно, ей бы понравились цыгане?

Он вспомнил, как сказал Ире, что «убывает в командировку». В позолоченной массивной раме огромного зеркала гримасой боли исказилось его собственное бледное лицо. Пришлось сосредоточиться на том, чтобы сжавшиеся пальцы не переломили тонкую ножку бокала с шампанским...

Он солгал.

Конечно, Великий князь понимал, что это все — его обязанности. Как родственника императора. Но видеть всех этих людей... было как-то особенно невыносимо. Он не любил придворных, считая их бездельниками и нахлебниками. Они же не любили его, считая грубияном и самодуром.

Этот вечер и эту ночь ему хотелось провести с Ирой.

Ира... Моя гордая и нежная девочка... Что же нам с тобой делать?

Она с такой радостью улыбалась, когда его видела, что Великий князь по-черному завидовал Мирову Андрею Николаевичу, которого сам же и выдумал. Если бы он был этим персонажем... Как бы все было просто. У него уже была бы невеста... Месяц — и жена...

Как совместить эту девочку с высшим светом? С лицемерием и ненавистью, которыми она будет встречена? С его настоящей жизнью? С его ложью о том, кто он есть? Как совместить эти две разные плоскости бытия? Два противоположных течения озера Зоркого?..

Если бы можно было оставить все, как есть...

— А не выпить ли нам по коньяку? — обратился к нему старый друг покойного родителя — граф Морозов, военный министр. — В конце концов, мы с вами лица высокопоставленные — и не обязаны терпеть эту... шипучку.

Князь Радомиров посмотрел на него с благодарностью. Вот это человек — настоящий военный! Понимает...

Как по волшебству появились бокалы с правильным напитком. И они поспешили отойти в угол бальной залы — чтобы постараться найти в этом вечере хоть что-то хорошее.

— Трезвым терпеть все это увеселение было бы невыносимо, — пожаловался ему военный министр. — К тому же хочется залить уши воском, чтобы не слышать весь этот бессмысленный треск, который здешние люди считают за разговоры.

Музыка на мгновение стихла — и до них долетели слова:

— Посмотрите, как князь Варейский смотрит на графиню Дубовицкую...

— Его что — вернули ко двору?

— Да, бедный мальчик пострадал — кто же знал, что глупышка, которую он похитил, не понимает, что такое романтика и хороший тон?

— Да... жаловаться Великому князю — это просто... бестактно!

Военные скривились одновременно.

— Зачем вы позволили этому юноше возвратиться в свиту наследника? — Небрежный кивок военного министра в сторону молодого князя Варейского, который кружил в вальсе очаровательную графиню. — Не думаю, что он может оказать благотворное влияние на Александра Александровича.

— Приказ императора.

Великий князь допил коньяк. И кивнул, подзывая слугу.

— Будь моя воля, никто бы из этих бездельников и близко бы к наследнику не подошел, — проворчал граф Морозов. — Один — поэт. Восторженный мистик! Кто знает, какие у него мысли в голове!

— Молодой Соколов! — рассмеялся князь Андрей. — На мой взгляд, он самый безвредный из всех. И, кстати, очень талантливый.

— Как маг — пустышка.

— Не соглашусь. Он слабее, чем наследник. Или Алсапов. Но, однако, сильнее, чем многие мои или ваши офицеры.

— Алсапов, — недовольно покачал головой военный министр. — По-моему, верить этому роду — дурной тон.

— Однако Радомировы им верят уже несколько сотен лет. И пока не обманулись.

Подошедший слуга налил им еще коньяку — и вельможи продолжили разговор.

— А что вы скажете про Волкова? — усмехнулся в густые усы граф Морозов.

— Увы... — развел руками князь. — К сожалению, ничего хорошего. У него — последнее предупреждение от государя-императора. Еще одна попойка с дебошем — и он будет отлучен от двора. В прошлый раз только мое заступничество — каюсь — помогло ему этого избежать.

— Все знают, что вы с его отцом большие приятели...

Князь Андрей кивнул.

— Эх... Вот вы с его величеством в их возрасте... — проворчал военный министр.

— Под вашим руководством войну выигрывали, — поддержал его Великий князь, чувствуя себя... просто старым.

— Хоть при деле были, — усмехнулся Морозов.

— М-да... Кстати. — Андрей Николаевич вспомнил, что так и не обговорил с военным министром вопрос, который его волновал. — Надо усилить работу с кадетами в военных академиях. Как-то молодые люди... разболтались.

— Если вы о покушении, то мы провели тщательную проверку.

— И что она дала?

Граф поморщился:

— Они совсем не понимают слов «завтра» и «будущее». Усмехаются, когда им говорят, что они испортят себе жизнь. Отеческие наставления вызывают лишь насмешку. А физические наказания отменили!

— Понятно, — кивнул Великий князь.

— Увеличим нагрузку, чтобы некогда было думы разные выдумывать. Так же посоветуем поступить в гражданских учебных заведениях.

Музыка опять стихла — и до них снова донеслось щебетание придворных.

— Вы знаете, — радостно говорила молоденькая фрейлина — из новеньких. — А над женой генерала Лютаева мы все-таки подшутили!

— И как — розыгрыш удался? — спросила у нее графиня Снегирева.

— Шутите? Когда он получил грамоту величайшего рогоносца, да еще и с намеком, чьей любовницей является его обожаемая супруга... Он был вне себя...

— А она что... правда с императором?

— Нет, конечно... Она столь провинциальна, что любит своего мужа.

Счастливым, нежный, звонкий смех утонул в беззаботной музыке. И снова закружились пары — юбки, туфельки, прически, мундиры, усы, бакенбарды, перчатки, эполеты, веера. Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три, раз...

— Вы знаете, что мой подчиненный подал рапорт — и отбыл в свое поместье, — негромко сказал граф Морозов. — Вот, значит, кому я обязан тому, что толковый человек покинул свой пост.

— Надеюсь, он не поверил во весь этот бред, — тихо сказал князь Радомиров, который был самой первой жертвой подобных увеселений.

— Не знаю как к студентам, — прорычал военный министр, — а вот к этим бездельникам я бы метод физического воздействия применил!

Великий князь лишь пожал плечами.

Идею подобных розыгрышей подала императрица. Собственной персоной. И для своего первого развлечения она выбрала его, Великого князя Радомирова, двоюродного брата ее мужа. До этого он относился к ее величеству безучастно, хотя и с некоей долей уважения. Но однажды, года три назад, к нему в кабинет в Министерстве явилась смущенная и негодующая девица — из новых придворных дам ее величества. Кстати говоря, девица эта ему как раз нравилась. Она общалась со всеми, умудряясь глупо не хихикать...

И в тот раз она не хихикала. Она была в странном настроении — смеси негодования и смущения. Добилась приема. Кинула ему на стол официальный бланк Министерства.

— И что это значит? — прошипела она.

Князь с интересом взял бумагу и прочитал. Приказ фрейлине ее Величества, урожденной княжне Льдовой, приступить к обязанностям любовницы Великого князя Радомирова.

Он поднял глаза. Его недоуменный взгляд столкнулся с ее возмущенным.

— Какая гадость, — неторопливо протянул он. — Надеюсь, вы не решили, что я имею к этому хоть какое-то отношение?

Девица потупилась.

— Единственно, что мне интересно, как эти... шутники раздобыли мой незаполненный министерский бланк.

Потом они с княжной Льдовой — и ее женихом, пришлось и его посвящать в интригу — затеяли целое расследование.

— Зачем? — спросил он у императрицы, когда все узнал. Придворные, которые в этом участвовали, были уже отлучены от двора.

— Скучно, — отвечала она ему.

Ей было скучно. А идиотская идея прижилась...

Он дернул щекой, представляя в роли жертвы розыгрыша Иру. Или его в роли генерала, получившего письмо об измене...

И вот что ему теперь делать? Он привязался. Он — надо, наконец, признаться самому себе — полюбил...

Соблазнить ее — и сделать своей любовницей — не позволяла совесть. Женой... Да... Женой Великого князя Радомира — наверное, здравый смысл. И любовь к ней...

Самое мудрое, что он мог сделать, — это оставить девочку в покое...

Тут он представил, что не подойдет к ней больше, не заговорит. Что в ее серых глазах поселится тоска. Или ненависть к нему — если обставить прощание как положено, с привлечением его как бы новой пассивности...

— Прошу прощения, ваша светлость, — обратился он к графу Морозову, который тоже задумался о чем-то своем. — Но мне придется вас покинуть.

И... князь Радомир сбежал с бала. Ничего, пару часов они тут точно без него обойдутся. В свой дворец — переодеться — он же не сможет появиться перед ней в белоснежной парадной форме с золотыми аксельбантами и россыпью орденов. Придется переодевать. А еще надо отнести поесть — наверняка она забыла.

Так он и появился в госпитале — в обычном черном кителе без знаков отличия и с корзинкой, полной еды.

— Чем мы можем вам помочь? — привстала навстречу целительница, увидев форму. — У вас что-то случилось?

— Понимаете, — обратился он к ней. — Я бы хотел увидеть Ирину Алексеевну Иевлеву. Она сегодня дежурит.

— Вам ее вызвать?

— Не нужно. Я не болен. Просто осенью... Она мне спасла жизнь. Я бы хотел поздравить ее с праздником.

— Вообще-то не положено...

— Пожалуйста.

— Ладно, проходите, — во взгляде читалось и одобрение, и интерес, — только тихонько. Вас проводить?

— Я знаю, куда идти, — он отрицательно покачал головой. Действительно, сразу как узнал, где работает Ира, тщательно изучил план здания. Пути подхода, отхода. Эвакуации... И где находится ординаторская отделения травматологии, ему было тоже известно.

Он тихонько постучал.

— Открыто, — раздался ее голос.

— Ирина Алексеевна! Добрый вечер.

На мгновение ему показалось, что она бросится ему в объятия. Но Ира смешалась, остановилась. Завела руки себе за спину, словно опасалась, что они ей не подчинятся.

Только глаза горели таким счастьем...

— Как вы? Откуда вы?

— Сбежал, — признался он. — Буквально на час... Решил вас поздравить. И покормить заодно.

— Я скучала, — призналась она.

— Я тоже, — вздохнул он. — Ужинать?

Быстро распаковали корзинку, достали все.

Он разлил по бокалам ее любимый вишневый сок.

— С праздником.

— У меня есть для вас подарок.

— Странное совпадение, — улыбнулся он. — У меня для вас — тоже.

А еще я не любила праздники. Детство, конечно, не в счет... Тогда была вера во что-то чудесное. Грезы. Надежды. Искрящаяся радость.

Потом я смогла устроить свою жизнь. Только праздники по-прежнему не любила...

Эти, Зимние, не были исключением.

До того момента, когда Андрей Николаевич постучал в дверь ординаторской.

До того, как я подарила ему на Зимние праздники самый мощный артефакт, останавливающий кровотечение. А он мне — защитный амулет, выполненный в том же стиле, что и артефакт энергии, который он отдал мне за свое спасение.

Уходя, он попросил разрешения пригласить меня на завтрак.

— Я, конечно, понимаю, насколько вы будете вымотаны, но так хочется встретить это утро с вами...

Ответила согласием.

В последнее время мне казалось, что между нами есть какая-то недоговоренность. Что-то он мне пытался то ли сказать, то ли, наоборот, не говорить. Это все рождало странную печаль в глазах, когда он смотрел на меня.

Чаще всего я совершенно не помнила об этом, но иногда...

Иногда — но не сегодня.

— Море? — с изумлением выдохнула я, оглядевшись по сторонам.

— Море! — весело ответили мне. — В этой бухте оно никогда не замерзает. Это юг Поморья.

Я огляделась. Большой деревянный дом, терраса нависает прямо над волнами. От перспективы у меня захватило дух.

— Где мы? — спросила я.

— Это мой дом... На юге.

— Еще одно любимое место?

— Самое любимое...

Мысль о том, что, наверное, не совсем прилично оставаться наедине в его доме, мне в голову как-то не пришла. В моем же мы оставались...

— А как спуститься вниз? — мне стало весело.

— А как же завтрак? — передразнил он.

Я жадно смотрела на волны.

— Хорошо, — смирился Андрей Николаевич. — Море так море. Только ступеньки крутые. Осторожнее.

Я сидела на камне, опустив пальцы в воду. Отогнать меня от воды у Андрея Николаевича не получилось. Зажмурившись, вдыхала солоноватый запах моря, слушала рокот набегающих на берег волн.

— Море мне снилось, — вырвалось у меня. — Родители и сестра — нет. А вот море... Каждый раз, когда я вспоминала, как когда-то была счастлива, мне снилось море. Только не северное, не то, что в столице. Оно другое. И запах. И ощущение от него. Я, уже когда стала работать, в выходные как-то поехала на залив. И... сказки не получилось. А это... Это чудо!

Открыв глаза, я посмотрела на Андрея Николаевича. У него было какое-то странное выражение лица.

Я торопливо стала подниматься с камня:

— Я вас задерживаю... Простите.

Мне подали руку.

— Вы? — удивился он. — Нет. Просто я задумался.

— Пойдемте завтракать...

А потом мы поднимались вверх по ступенькам, и он меня почти обнимал. И я не протестовала, потому что мне было настолько хорошо, что я боялась верить в происходящее.

...Я проснулась на диване в гостиной. Помню, мы сидели в креслах у камина, разговаривали о чем-то, смеялись...

Андрей Николаевич остался спать рядом. Он сидел на полу, откинувшись спиной на диван. Наши головы практически соприкасались... Я пригладила свои распущенные волосы. Надо же — он даже расплел косы...

«И что мне со всем этим делать?» — подумала я. Хотела подняться и выйти на террасу — к морю. Но мужчина оказался так близко. Дыхание ровное, спокойное. Длинные ресницы, на которые я обратила внимание еще в нашу первую встречу... Неожиданно для себя дотронулась кончиками пальцев до его щеки...

— Ира, — улыбнулся он сквозь сон.

Я смутилась — и убежала на террасу...

— Как вы ощутили, что можете лечить людей? — он подошел неслышно, встал у меня за спиной в своей привычной манере — на полшага позади. Вроде бы и рядом, но и не со мной. Поймала себя на том, что хочется чуть податься назад, чтоб коснуться, словно бы и невзначай...

Солнце алым полукругом собиралось погрузиться в море. День промелькнул так незаметно, что хотелось просить каждую минуту — не уходи...

— Дом, в котором мы жили, был весь облеплен ласточкиными гнездами. Каждый год кто-нибудь из гнезда выпадал. Знаете, ласточки избавляются от слабых — их просто выталкивают... Сколько мы с сестрой рыдали над каждым птенцом — не передать... А однажды — мне только-только исполнилось пять — я подняла испуганного птенчика, поделилась с ним теплом, добавила силы в крылья... И приказала — лети! А вы? Как вы стали военным?

Он неожиданно поморщился.

— Военное училище в нашей семье — это традиция. Это не обсуждается. А чрезвычайные ситуации — куда ж без них в нашей стране... Надо же кому-то все разгрести. Простите...

— А чем бы вы хотели заниматься?

Он задумался, потом ответил:

— Наверное, тем же самым... Только иной раз хочется, чтобы это был мой выбор. Хотя бы иллюзия выбора.

— Надо отправляться домой, — проговорила я едва слышно.

— Вы замерзли? Я принесу вам плед.

И он действительно вернулся с огромным серым пледом.

— Позвольте?

Я развернулась к нему спиной и сделала этот самый маленький шагок назад, о котором мечтала. Замерла, почувствовав его руки на своих плечах. Стала заворачиваться в плед, постаравшись коснуться его ладоней. Словно бы и невзначай.

— У вас руки совсем замерзли... — и его ладони накрыли мои. Глаза закрылись сами собой. И я замерла — только сердце бешено колотилось. Но унимать его почему-то не хотелось...

Крикнула какая-то неугомонная птица. Я вздрогнула.

— Мне все-таки пора, — прошептала я.

— Хотите, я сварю вам кофе?

Я хихикнула, вспоминая нашу беседу о приготовлении ужина.

— Вот зря вы так! Я готовить не умею. А кофе варить — вполне! — обиженно проговорили у меня над головой.

— Хорошо, — улыбнулась я. — Кофе — и по домам. Завтра на работу. А я еще и дежурю.

— А вы уснете? После кофе? Он крепкий.

— Целитель — это такой человек, который засыпает, как только тело приобретает устойчивое положение в пространстве.

— Тогда пойдете в дом.

И Андрей Николаевич выпустил меня.

— Так вот откуда в доме появилась джезва, зерна кофе и кофемолка. — Я внимательно наблюдала, как он священнодействовал.

Он лишь улыбнулся:

— Не хотел вас оставлять, но дел было много. А без кофе я очень плохо соображаю.

— То покушение, — проговорила я. — Их поймали?

— Одного — нет. — Он как раз разливал кофе по небольшим белоснежным чашечкам костяного фарфора. — Но не сказать, чтобы мы плохо старались. Пойдемте к столу? Может, вам молока подать? Только я не уверен, что оно тут есть...

— Не беспокойтесь.

— Вам не нравится кофе? — спросил он через какое-то время.

— Я не знаю, нравится он мне или нет. Очень горячий. Я не могу такой пить.

Андрей Николаевич хотел, видимо, что-то спросить, но я поднялась с кресла — он немедленно тоже поднялся.

— Зачем вы это делаете? — спросила я.

— Что именно?

— Вскокиваете, когда я встаю.

— Не знаю...

Он удивленно посмотрел на меня.

* * *

— Это был один из лучших дней в моей жизни, — тихонько сказала я, когда мы прощались около моего дома.

— И в моей... тоже, — отозвался он и протянул мне руку. Я подала свою. Он галантно, как-то по-придворному склонился и поцеловал мою ладошку.

Столица. Почти год назад. Конец января. Он

Настроение было ужасным — уже трое суток Андрей Николаевич был в командировке. В очередной раз убедился: как ни проверяй, все ли готово к зиме, — все равно она придет неожиданно. Как будто наместники никак не могут привыкнуть, что Поморье — северная страна. И ведь так искренне каждый раз удивляются и метелям, и заносам, и тому, что дома отапливать надо. И чем севернее губерния — тем искреннее удивление от капризов погоды. Может, чиновников надо целительницам показывать — а то все забывают, что зима придет... Что будет суровой — как и положено в данном регионе, если вспомнить простейший курс школьной географии. Что снег все равно выпадет. И что его необходимо будет убирать...

Так что трое суток он носился по региону — и пугал. Проверял. Гневался. Потом на заключительном совещании уже спокойно сообщил, что его императорское величество разрешил ему, своему доверенному лицу, оформлять конфискацию имущества в пользу казны.

— Так что, господа, если вы не изыщете средств, чтобы нормально пережить эту зиму, без очередных бедствий и чрезвычайных ситуаций, то их изыщу я лично.

Они как бы клялись, он как бы верил. Казалось бы — театральное действие. Однако действовало же! С тех пор, как он взял за практику методично объезжать и пугать, — количество экстренных мероприятий стремительно сократилось. Но только Небеса знают, как же ему все это надоело...

В столицу пришли снегопады. В этот раз какие-то особенно снежные...

Ирина задерживалась. Князь давно выдал ей амулет связи — чтобы они общались, когда он уезжал. Договаривались о встречах, о времени, когда она выходит с работы. Он всегда ждал ее на другой стороне улицы — подальше от любопытных глаз.

Радомиров посмотрел на здание госпиталя — яркая, теплого оттенка подсветка, горят окна.

— Где же ты, девочка моя?

И насмешливо улыбнулся — слышал бы его кто-нибудь из знакомых. Хотя бы один из генерал-губернаторов. Хотя нет, не дай Небеса. Его позиция при дворе как доверенного лица его императорского величества была незыблема еще и потому, что у него не было слабостей. А значит, не было болевых точек.

Так что на его привязанности к этой девочке — если бы узнали, обязательно бы попытались поиграть...

Он уже собрался, послав к Небесам свою конспирацию, отправиться в госпиталь и узнать, что произошло, как увидел ее.

— Ира! — Он бросился туда, на свет, обнял ее, уже ни о чем не думая, — настолько потерянной она выглядела. — Что? Что случилось?

— Он умер, — выговорили ее губы. — Я ничего не смогла сделать.

— Бедная моя девочка... — прижать ее к себе крепко-крепко, жалея, что невозможно забрать хотя бы часть ее боли.

— Ирина Алексеевна, — раздался знакомый голос княгини Снеговой. — Нельзя так реагировать. Смерть — это неотделимая часть жизни. А мы можем исцелять, но никак не воскрешать. Смирись с этим. Вы и так сделали все возможное. Вам не в чем себя упрекнуть.

Девушка дернулась, чтобы высвободиться из объятий. Но он не собирался ее отпускать. Поэтому она развернулась, а князь, стоя за спиной Ирины, продолжил ее обнимать. В конце концов, он практически всемогущ в этой стране. Уж высший свет он как-нибудь выстроит, а ее общение с этой клоакой можно свести к минимуму — и пусть себе она лечит людей по-прежнему. Только надо будет охрану усилить.

— Отправляйтесь домой. Вон — молодой человек... ждет...

Тут супруга князя Снегова его узнала.

— Добрый вечер, — произнес он, отрицательно качая головой и приказывая этим жестом ей молчать.

— Вам придется объясниться, — холодно сказала княгиня, но вняла безмолвному приказу. И не стала раскрывать его инкогнито.

— Я могу нанести визит завтра? Перед тем, как вы отправитесь на службу?

— Безусловно, — склонила голову целительница. — В семь пятнадцать. Хорошего вам вечера.

И она удалилась.

Хлопок — и он перенес Ирину в свое поместье у моря.

— Я что-то сделала не так? — напряженно спросила девушка. Она высвободилась из его объятий, подошла к огромному, во всю стену окну и уставилась в крошечную темень, пытаясь разглядеть за ней море и небо. — Наталья Николаевна гневалась.

— На меня, как я понял, — улыбнулся он, подходя и обнимая. И почему он не принял решения жениться раньше? Мучился почти месяц? Придумывал себе глупости всякие...

— Вы что-то сделали не так? — продолжила между тем выпрашивать Ира.

— Княгиня Снегова переживает за вас. — Он легонько поцеловал волосы любимой. — И хочет узнать мои намерения.

— Ваши намерения...

Она обернулась, посмотрела на него, оглядела огромную гостиную его дома. Распахнула глаза, словно просыпаясь. И князь словно прочел ее мысли, которые понеслись вскачь, словно подковами по брусчатке мостовой: неприлично, недостойно, недопустимо... Он понял: ей стало стыдно. Она с такой легкостью, даже не задумываясь, откинула все нормы поведения, приличия, не раздумывая, оставалась с ним наедине. И ей было так хорошо, так спокойно, что она даже... позволила себе мечтать. Он был уверен в этом.

Ирина решительно высвободилась из его объятий.

— Андрей Николаевич, перенесите меня домой, — голос не дрожит, она могла себя хоть с этим поздравить...

— Я бы не хотел оставлять вас одну в таком состоянии.

— Мне надо это пережить — вот и все, — холодно сказала она. — Как мне объяснили сегодня, винить мне себя не в чем.

Он тяжело вздохнул.

— Но не обязательно же переживать это в одиночку...

Ирина подняла на него безжизненный взгляд:

— Мне не привыкать.

— Ира, не надо...

— Я хочу остаться одна. Пожалуйста.

— Нет. Вам надо поесть. Я бы рекомендовал выпить коньяку. Потом выйти к морю и покричать. Лучше всего поплакать. И к утру смириться с тем, что вы не всемогущы. Это очень

больно, по себе знаю. Но одной это пережить... Можно. Но, безусловно, не нужно...

— Да что вы обо всем этом знаете? — прошипела она злобно.

— Может быть, больше, чем мне бы хотелось. — Князь отошел от нее, открыл шкафчик, достал пузатую бутылку, снял со стойки два бокала, наполнил их. — Я лишился родителей, когда мне было восемнадцать лет. Акция бомбистов. Экипаж так наштиговали ледовыми бомбами, что хоронить было уже практически некого...

— Я знаю, как действуют подобные бомбы, — бесцветным голосом проговорила она, сцепив пальцы. — Радиус поражения до десяти метров. разлетевшиеся осколки прошивают тела попавших под удар, как бумагу... Сфера из переплавленных осколков черного хрустала... Внутри — зачарованный лед. На уроках в Академии нам рассказывали... И показывали.

Андрей Николаевич решительно сунул ей в руки бокал, выпил свой — и уставился на огонь камина, повернувшись к ней спиной.

— Простите. — Она подошла и положила руку ему на плечо. — Я не знала.

— Выпейте коньяк, Ирина. К сожалению, других успокоительных в доме нет. Да я их и не знаю.

— Настойка ледяного мха, — улыбнулась она сквозь слезы. — По капле на год жизни...

— Могу слуг отправить... Вам будет легче, если вы выпьете лекарство?

Он по-прежнему не поворачивался.

Она обошла его — и обняла сама.

— Ирочка, — шептал он, осыпая ее короткими и нежными поцелуями-узнаваниями, поцелуями-вопросами, подглядывая за выражением ее лица из-под длинных ресниц...

А руки уже сами тянулись к ее волосам, которые, как и полагается, были уложены в строгую гладкую прическу. Почему ему всегда казалось, что от такой укладки у нее болит голова?

Она вздохнула — и прижалась к нему. Положила руки ему на плечи.

И легкость поцелуев исчезла, ее сменило неистовство...

Князь ее целовал — страстно, жадно, уже не думая ни о чем, — и потихоньку отбрасывал шпильку за шпилькой, пока не высвободил косу. Он гладил ее распущенные волосы. И не мог остановиться. Не мог насытиться. Смог только чуть приоткрыть глаза, чтобы посмотреть на нее...

Какая серьезная мордашка! Он не мог не улыбнуться. Она почувствовала эту улыбку на своих губах — и очнулась.

Мучительно покраснела.

Он погладил ее по щеке.

«К Небесам все! За два-три дня я организую нам свадьбу, порву всех, кто хоть косо взглянет, императрица не рискнет со мной связываться — и на нее найдется управа». И он прижал девушку к себе еще крепче.

И князю стало так легко, как не было с тех самых восемнадцати лет, когда привычный мир вдруг рухнул.

Он опять потянулся к ее губам, но остановился, потому что вспомнил:

— Ты не ужинала!

Улыбнулся ее недоуменному взгляду, потому что она чуть было не сказала вслух: «Какой ужин?» Поэтому спросил уже недовольно:

— Ты хоть обедала нормально?

Ирина, лукаво улыбаясь, отрицательно покачала головой.

— Охрану приставлю! — грозно заявил он.

Потом вспомнил, что охрана уже приставлена, — и огорчился. А как подумал, что ему еще и объясняться с Ирой...

— Ужинать! — возвестил вслух, а про себя подумал, что и это решаемо...

После еды она стала дремать, сидя прямо за столом, с открытыми глазами, да еще и умудряясь ему что-то отвечать. Получалось, правда, не очень внятно. Поэтому Андрей Николаевич сделал над собой героическое усилие и преодолел искушение оставить ночевать ее в своем доме.

— Я отнесу тебя домой, — подошел к ней и подхватил на руки.

— Сумка и жакет. — Все-таки Ирина была прагматична. — И на вешалке мое пальто.

Подождал, пока она соберется. И с печальным вздохом доставил домой, напрямиком в гостиную.

— Только пообещай, что сразу ляжешь спать. Наверняка сумасшедший день будет... — прошептал, уже прощаясь. И поцеловал. Снова.

— Хорошо, Андрей Николаевич, — с интонацией первой ученицы ответила она.

— Называть мужчину, с которым целуешься, на «вы» и по имени-отчеству... — раздосадованно протянул он. — Это...

— Неприлично? — улыбнулась она.

— Практически. Я встречу тебя завтра с работы — и мы поговорим. Пока тренируйся.

* * *

В семь пятнадцать утра он был у княгини Снеговой.

— Я искренне благодарен вам, ваше сиятельство, за то, что вчера вы сохранили мою тайну и не стали раскрывать мое инкогнито, — после всех необходимых ритуалов приветствия, поклонов и целования ручек, заявил он.

Княгиня не садилась, демонстрируя свое недовольство, поэтому и он остался стоять.

— Я так понимаю, — аккуратно подбирая слова, начала она, — что моя сотрудница понятия не имеет, кто тот «молодой человек», с которым у нее роман?

— Вы совершенно правильно все понимаете, — не стал спорить с очевидным он.

— Ваше сиятельство, вы понимаете, насколько это выглядит дурно со стороны?

— Отчего же? — вдруг разозлился князь. — Я что — подлец? Или насильник? Не человек? У меня не может быть искренней привязанности?

— Вы — человек, которого я, бесспорно, уважаю. Однако... Что будет с этой девочкой? Она и так практически не сходится с людьми. У нее нет родных. Нет друзей. А после... опыта общения с вами... Она же никого никогда к себе не подпустит!

— Ей не придется к себе кого-то подпускать, — яда в его голосе было предостаточно. — Моей супруге, согласитесь, это будет не к лицу.

— Что? — изумилась княгиня.

— Ваше сиятельство... Я уважаю вашу заботу об Ирине Алексеевне и лишь поэтому с вами беседую. Однако согласитесь... — Он как-то устал объясняться витиевато и просто сказал: — Это все обидно слышать.

— Вы ведь аристократ. Первая фамилия Империи.

— Поэтому у меня больше проблем с заключением брака, чем у полковника, которым я имел неосторожность представиться в начале нашего знакомства.

— И дело только в этом?

— Совершенно верно.

— Тогда я сохраню вашу тайну и дам возможность объясниться с вашей избранницей самостоятельно, — склонила голову княгиня. — И... приношу свои извинения за необоснованные подозрения.

Князь отбыл на службу. Так как он планировал исчезнуть где-нибудь дней на пять — сразу после празднования Тезоименитства наследника, — то надо было максимально разобраться с текушкой, распределить обязанности. И еще много чего интересного, включая беседу с Его Императорским Величеством.

Вместо этого он битый час выслушивал причитания ее императорского величества на предмет того, как она боится, что на дне рождения наследника может случиться что-то плохое.

В глубине души князь был с ней абсолютно согласен. Как и Служба Безопасности, а также еще добрый десяток организаций, отвечающих за безопасность на подобных мероприятиях. Однако... Монархия держится на традициях, на торжественности вот таких моментов... На единении власти и народа. Конечно, на иллюзии единения — но эту самую иллюзию как раз и надо было создавать тем более старательно, что опять начались покушения. И начались они как раз с него, с Великого князя Радомира Андрея Николаевича — верного пса престола.

— Я могу гарантировать, что все возможное и невозможное будет сделано. К тому же на наследнике будет кольцо с мгновенным телепортом: если что — он будет перенесен в безопасное место.

— Почему нельзя раздать эти кольца всем?

— Разметает, — пожал плечами князь. — Один — уйдет. Если все сразу — эффект будет равен той самой бомбе, которую могут бросить.

— Вы столь равнодушны к чужой жизни, — патетично прошептала императрица.

— Я там тоже буду, — пожал плечами он.

— Если с моим сыном, наследником Империи, что-то случится — я вам этого никогда не прощу!

— Я понимаю ваше беспокойство и сделаю все, чтобы не допустить покушения.

И вот так об одном и том же — уже полтора часа. Участники совещания меланхолично ожидают за дверью — а вот они-то как раз и должны обеспечивать ту самую безопасность, о которой так печется ее величество.

Обычно князь так долго императрицу не выслушивал: ни сил, ни времени, ни желания особого не было. Но сейчас, когда он со дня на день будет представлять невесту... Портить отношения еще больше не хотелось.

Поэтому он терпеливо рассказывал — вот не думал, что в нем есть подобная добродетель — какие беспрецедентные меры безопасности... Какой силы защитный купол... Сколько полицейских в охране...

Наконец, императрица поднялась — показала, что беседа окончена.

«Слава небесам!» — подумал князь.

Можно было начинать совещание.

А он еще не поговорил с императором.

Через час он понял, что не успевает.

Мысленно связался с Ириной — надо научить ее общаться, не используя кулон, это намного удобнее и вслух говорить не надо.

«Милая! Я задерживаюсь. У нас нескончаемое совещание. И я не могу ни покинуть его, ни перенести. Доберешься домой сама?»

«Хорошо».

Даже сквозь расстояние он понял, что она смущена.

Но проговорить все моменты завтрашнего мероприятия было попросту необходимо, поэтому, подавив тяжелый вздох, он уселся поровнее и стал слушать еще внимательнее.

Через два часа она позвонила сама. Князь посмотрел на часы — восемь вечера скоро. А у них еще...

Пользуясь тем, что докладчики менялись, ответил под изумленные взгляды присутствующих:

— Да... могу. Сейчас. Пять минут перерыв, мне надо ответить.

Подождать, пока все выйдут, повернуться к окну, уставиться на панораму расцветенной огнями реки. Город заносило снегом...

— Ты только выходишь? Опять задержалась?

Послушать, как она рассказывает что-то про маленького, но храброго гимнаста, который бежал домой с тренировки с папой наперегонки.

— Представляешь, они столкнулись и упали. Мальчик пальцы на правой руке сломал. Папа колено разбил. Мама и сердится, и обнимает. А мальчик плачет, что его с соревнований могут снять — а они через неделю.

— И ты ему помогла?

— Да. Только завтра посмотрю его ручку — можно ли на тренировку — и вперед.

— Умница. А я вот... еще на работе.

— Я поняла, — она рассмеялась.

— Я могу зайти к тебе сегодня? Нам надо поговорить. Только это будет поздно...

— Хорошо, — ответила Ирина. — Я буду ждать.

[Купить полную версию книги](#)